

НАСТОЯЩАЯ  
ФАНТАСТИКА

МАКСИМ ХОРСУН

# РОЖДЕНИЕ ЮПИТЕРА

Когда рождается звезда, умирает человечество

# Максим Дмитриевич Хорсун

## Рождение Юпитера

*Текст предоставлен автором*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=2805275](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805275)*  
*Рождение Юпитера: 2010*  
*ISBN 978-5-9533-3355-9, 978-5-904919-04-7*

### **Аннотация**

Есть такое поверье: когда умирает звезда, рождается человек. Но в мире, где человечество ютится на окраине Солнечной системы, где в лучах красного гиганта, в который превратилось наше Солнце, забытым бриллиантом сверкает загадочная планета Пангея, где люди считают своей прародиной спутник Юпитера – старые поверья уже не в счет. Разгадать тайну межзвездного корабля-призрака, выжить в войне прайдов, переиграть Надзирателей, прорваться, наконец, к звездам – иного выбора у благородного Айвена Шелли, носителя гена «золотой удачи», просто нет. Ведь иногда рождение звезды означает смерть всего человечества.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Часть 1                           | 4  |
| 1                                 | 4  |
| 2                                 | 13 |
| 3                                 | 20 |
| 4                                 | 28 |
| 5                                 | 36 |
| 6                                 | 45 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 48 |

# Максим Хорсун

## Рождение Юпитера

### Часть 1

### Мир людей

#### 1

Шелли обнаружил корабль «Странник» там, где и предполагал. В кильватере кометы Око Императора, на дальней стороне астероидного пояса Койпера. Плотные струи пыли и метеоритного хлама пытались дотянуться до дрейфующего левиафана, но натыкались на активный защитный экран. Каждый миг лишенный всяческого декора темный корпус «Странника» озаряли белые вспышки сгорающего без следа космического мусора.

Укрывшийся в кильватере кометы корабль не обнаружить обычными средствами. Такое объяснение ненормального, рискованного курса «Странника» когда-то само пришло в голову Шелли. Но со временем он выяснил, что ошибался. Все оказалось куда сложнее: этот корабль имел характер.

Говорят, кто-то видел «Странник» у Ганомайда, кто-то – у Иксиона, кто-то – у короны дряхлого Солнца. Для него же, для Шелли, «Странник» отыскивался на траектории Ока, но только в том случае, если сам нуждался в этой встрече.

Много воды утекло с момента их первого randevu. Комета, а вместе с ней и «Странник» давно пересекли орбиту Плутонии и покинули пределы обжитого людьми пространства, углубившись в сумеречный мир ледяных астероидов и быстроходных карликовых планеток. С каждым разом Шелли становилось тяжелее угнаться за строптивой парочкой, подбирающейся к окрестностям Химеры – мертворожденной сестры Солнца, несветящегося коричневого карлика.

Корабль Шелли – прославленный «Рурк», остроклювый сокол, чей абрис три столетия назад был увековечен на прайдовом гербе, сиял начищенным золотом даже в неизбалованном свете пространства. «Рурк» обожал славную погоню.

Точными залпами двигателей Шелли направлял «Рурк» (или же «Золотой Сокол», как с одинаковым благоговением в голосе называли корабль и благородные, и бесфамильные, и рабы) к холодным дюзам «Странника».

«Эти архаичные конструкции... – На лице Шелли плясали отсветы метеоритов, аннигилируемых защитным экраном. – Ни красоты, ни благородства... мнимая функциональность. Не могу поверить, что благородным предкам удалось покорить космос при помощи столь недружественной к человеку техники!»

«Рурк» незначительно уступал размерами «Страннику». Но «Золотой Сокол» предназначался для одного человека, максимум – для двух, был оборудован бассейном с водопадом, имел на борту трапезную в зарослях живого бамбука, кабинет для раздумий. А «Странник»... Бесформенный черный корпус, внутри которого – аппаратура, аппаратура, аппаратура... Среди пропасти электроники – пятачок жилого пространства для членов экипажа: дюжины взрослых, измотанных дорогой *в никуда* людей. Нелегко им приходилось, безотрадно. А в Сопряжении известно каждому: человеку для эффективной работы, для результативного и нестандартного мышления необходимо создать условия, граничащие с роскошью. Какие, например, были созданы на «Золотом Соколе».

Потому-то, наверное, и провалилась миссия «Странника».

Шелли настиг цель. Уравнял скорость и развернул «Рурк» дюзами маршевых двигателей к «Страннику». На бортовой броне, кое-где покрытой копотью, до сих пор были различимы символы доимперского алфавита. Символы складывались в истинное название «Странника» – «Баунти». «Баунти»... Сколько мегалет назад в последний раз произносили вслух чудное морское слово?

Шелли выбрал из обоймы кормовых стыковочных узлов подходящее устройство и, ловко орудуя контрольными двигателями, соединил «Золотой Сокол» и «Странник» в единое целое.

Вспыхнул и сторел, обозначив границы защитных экранов двух кораблей, стремительный обломок...

В шлюзе «Странника» Шелли встретила темнота. Он поспешил включить фонарь. На переборке, покрытой бархатистой сажой (этот налет делал ее похожей на лоснящуюся звериную шкуру), появился светлый круг. Шелли переступил с ноги на ногу, из-под магнитных подошв выстрелили фонтанчики коричневой взвеси. Темное вещество, похожее на молотый кофе, поплыло вверх, смешиваясь с бесчисленным множеством частичек, кружащих в луче фонаря. Размеренный танец пылинок напомнил Шелли о давнем погружении на дно планетарного океана Еуropy. В тамошних глубинах было одинаково мрачно, и в круге света точно так же металась крупица потревоженного донного ила...

Сейчас на Еуропу никого не пускают, говорят – опасно для жизни. Великий океан выкипел под жаром разбухшего Солнца, атмосферу пришлось «законсервировать» и перевезти в Центральное Сопряжение. Теперь каждый новый день грозит стать для прародины человечества – маленькой Еуropy – последним.

Шелли почувствовал, как на лбу выступила испарина. Дышать стало неожиданно тяжело, к горлу подступила тошнота.

Невесомость. Вот одно из самых пренеприятных ощущений, которым испытывает путешественника космическое пространство. Вестибулярный аппарат сбит с толку, мозгу кажется, что человек падает, даже если под ногами у того твердая поверхность.

Шелли поджал тонкие губы и шумно сглотнул.

Сейчас-сейчас! С секунды на секунду подействует принятый на «Рурке» стимулятор. Через минуту Шелли забудет о неудобствах, будто жил в невесомости последнюю неделю. А пока – зажмуриться и дышать глубже.

Наконец, он смог взять себя в руки. Открыл глаза и с удовлетворением отметил, что в окружающий мир вернулись «верх» и «низ». Это значило, что пора было приступить к тому, ради чего ему, собственно, и пришлось подрезать хвост Оку Императора.

В четвертый раз Шелли стоял посреди шлюзового отсека древнего корабля, ощущая, как под черепом пульсируют переполненные кровью сосуды.

За прошедшее время на «Страннике» ничего не изменилось, абсолютно ничего: герметично закрыты высокие шкафчики вдоль металлических переборок, нетронуты контейнеры, зафиксированные на решетчатой палубе, под округлым сводом разметались в невесомости цепи погрузочного привода.

Шелли поводил лучом фонаря из стороны в сторону. Вот картина, способная заставить дрожать даже отчаянного авантюриста, лихого искателя приключений. На дальней переборке – силуэт серо-стального цвета. Человеческий силуэт. Тень сгоревшего человека – так, кажется, называется этот «феномен». Огненная волна прижала неизвестного к стене, обшивка оплавилась и обгорела, и только часть, прикрытая телом бедолаги, сохранилась более или менее неповрежденной.

Что бы ни случилось в далеком прошлом на борту «Странника» (или «Баунти», если использовать оригинальное название) – событие это было без преувеличения трагическим.

В глубине коридора, ведущего в носовую часть корабля, забрезжил свет. Шелли выключил фонарь. По коридору двигался, приближаясь, компактный источник необычайно яркого, плазменного света.

Шелли непроизвольно отступил, когда из прохода вырвалось пламя, свернутое неизвестной силой в беспокойный клубок. Шаровая молния, дивная шаровая молния крупного (не меньше, чем голова взрослого человека) размера беззвучно парила между палубой и подволоком, роняя «густые», жидкие на вид искры. Она напоминала маленькое солнце, кипящее протуберанцами и гранулами. Быть может, она и была им – солнцем, звездой – где-нибудь на противоположной стороне расширяющегося шара Вселенной, Шелли ничего об этом не знал, а догадки в его голове роились одна другой краше. Молодой человек отступил еще на шаг и поклонился, цокая языком, как полагалось по обычаям его времени.

– Приветствую, Капитан!

Он всегда обращался к хозяину «Странника» – Капитан. Хотя до сих пор не был уверен, что это создание имеет что-то общее с экипажем корабля.

– И тебе – *их* приветствие, молодой Шелли! – услышал он вкрадчивый шепот. Завертел головой: как обычно складывалось впечатление, будто с ним говорит, почти касаясь сухими губами уха, некто, стоящий за спиной. Воображение рисовало высокого и худого, не очень старого, но изможденного человека с неподвижным лицом и длинными серо-седыми волосами, колышущимися в невесомости, словно моток водорослей, прибитый волной к кромке берега.

Нет – за спиной никого. Лишь мечутся по обгоревшим переборкам тени, и клубы серой «донной» мути стали, кажется, гуще.

– *Они* рады наслаждаться твоей компанией снова и снова, и снова.

– В самом деле? – отозвался Шелли.

– Поверь *им*. Поначалу *они* думали, что ты или до безрассудства храбр или попросту глуп, поскольку осмелился искать с *ними*... соприкосновения. Теперь же *они* поняли свою ошибку. Ты – не то и не другое. Общение стало доставлять *им* радость. Пройдешься с *ними* по кораблю?

Шаровая молния поплыла через шлюз к коридору. Шелли с опаской двинулся следом. Он неловко переступал ногами, обутыми в намагниченные башмаки, и старался держаться от своего собеседника на расстоянии: между шаровой молнией и металлическими поверхностями время от времени проскакивали ветви электрических разрядов.

– Расскажи *им* о себе, – потребовал голос. – Чем ты жил с момента последней встречи? С-скачал?

– Я получил приказ вступить в Партию в следующем сезоне. – Шелли издал нервный смешок и бросил быстрый взгляд через плечо: никого. Никого! – И сейчас, признаюсь, эта перспектива тревожит меня сильнее всего. *Они*, – Шелли вздохнул, – *они* могут чем-нибудь помочь? Подсказать Золотую Удачу? Сакральное число? Или вселенскую константу?

– Нет! – отрезал Капитан. Бесплотный голос пояснил: – Сверхъестественное – за пределами *их* возможностей. Все, что *им* отведено, – безучастно надзирать за настоящим.

Шелли покачал головой.

– Ритуальная война – нет более нелепого времяпрепровождения! – напыщенно повторил он слова прадеда Юлиуса, которого в молодые годы Партия лишила правого легкого.

– Это всего лишь ваши традиции. У тебя есть друзья, на которых можно положиться. *Они* допускают, что, объединившись, вы способны изменить многое.

– Друзья!.. – уныло всплеснул руками Шелли. В тесном пространстве коридора ему стало совсем дурно. Жирная сажа, облепившая стены, создавала иллюзию, будто он продвигается по покрытому ворсинками кишечнику некоего сверхорганизма. И еще – проклятая муть! Шелли бессмысленно поводил перед собой руками, словно надеялся раздвинуть

толщу воображаемой воды. Даже в ушах забулькало: или от тока крови, утратившей бремя гравитации, или от подстегнутого страхом воображения.

– Проще вернуть Солнцу молодость, чем изменить что-либо в мире, где даже планеты движутся в один ряд... – начал Шелли подавленным голосом. Его качнуло. Почудилось, будто чрево «Странника» стало прозрачным и растаяло, обнажив на миг скрытые внутри переборки коммуникации. Исчез даже плазменный капитан, запечатлев перед этим на сетчатке молодого человека пятно светового артефакта. Шелли ощутил себя висющим на виду у мириад звезд на окраине обитаемого пространства, – будто он превратился в одинокое обреченное существо, которое плывет в гравитационном дрейфе под непрекращающейся бомбежкой смертоносных протонов.

К счастью, наваждение длилось не дольше, чем полет метеорита, угодившего в поле активной защиты «Рурка».

Следовало убраться с борта «Странника» как можно скорее. Получить необходимые сведения – и бегом к «Золотому Соколу». Прочь из причудливого мира корабля-призрака, пока свое «я» не растворилось в локусе физического беззакония.

– А что Брут? – спросил Капитан, не замечая терзаний гостя.

– Откуда ты знаешь? – изумился было Шелли, но тут же взял себя в руки. – А впрочем... тебе ли... простите, *им* ли не знать? Для кого-то *они* – проклятье, а для кого-то – оркул. Большинство астроников, с которыми я когда-либо разговаривал, суеверно полагают, что встреча с древним «Странником» сулит беду, и спешат развернуться к нему кормовыми дюзами. От горячего Юпитерекса до кометного облака Оорта ходит дурная слава о корабле-призраке, который был проклят вместе с экипажем за самонадеянную попытку достичь звезд через мистическое гиперпространство. – Шелли перевел дыхание. Капитан никак не отреагировал на тираду. Плазменное существо не поддавалось на провокации. Оно упорно не желало делиться информацией о своем прошлом. Ни слова, ни полслова, ни намек...

– А что Брут? – повторил Шелли заданный вопрос. – Ха! Брут! Брут занят делом. Его прайд, прайд Бейтмани, строит звездный ковчег на Седне. Я слышал – второй по счету. Брут занят делом, ведь он – злой гений кораблестроения. Да, Партия некоторым не грозит... – добавил он не без зависти. Впрочем, Шелли ни за что бы не пожелал лучшему другу очутиться вместе с ним в одной смертельной игре. На «битом поле».

– Чудак Ай-Оу?... – вновь спросила шаровая молния.

Шелли наморщил лоб:

– От чудака Ай-Оу давно нет известий. Кажется, он больше не покидает Пирамиду. Ограничил круг общения ближайшими родственниками. Я слышал, Ай-Оу возомнил, будто способен путешествовать к звездам... телепатически! Не хочу с ним знаться! Не желаю видеть, как мой друг – самый умный человек в Сопряжении – теряет рассудок.

– Климентина?..

– Кто-кто? – Шелли насупился. – Климентина? О нет, нет! О ней не стоит вспоминать, Капитан. Не стоит...

Он представил ледяной шар Пангеи, вальяжно плывущий над газовыми глубинами Нептунии. Содрогулся: неужели подсознание прочно связало отвратительное, вычурное имя бесфамильной с не менее отвратительным мирком?

– По-моему, ее никогда не существовало! – отрезал, выходя из раздумий.

Капитан не стал спорить с молодым человеком.

– Кажется, ты знаешь, о чем говоришь. Но названные *ими* люди чаще других вспоминают о тебе.

– Как? – Шелли отмахнулся от роя мелких кристаллов водяного льда. – Каким образом *они* выяснили? Прочитали мысли?

– Нет, радиоволны людей наполняют Галактику. *Они* внимают сообщениям из системы Солнца, ведь *они* когда-то тоже были людьми...

Шелли замер, стараясь не выдать волнения. Капитан, наконец, оговорился! Все-таки таинственные *они* – люди! Возможно – его предки! Быть может, эта сияющая плазма – всего лишь иное агрегатное состояние человеческого тела. Люди! Но не случайный попутчик «Странника». Не пришелец из объявленного фикцией гиперпространства, чего Шелли в тайне опасался.

– Брут. Климентина. Ай-Оу. *Они* слышали их переговоры. Иногда твои друзья беседуют друг с другом, иногда – с кем-то еще. Но их уста произносят «Айвен Шелли, Айвен Шелли, наш драгоценный Айвен Шелли», будто ты – не ты, а идол...

Шелли переступил через комингс. Шаровая молния осветила просторную рубку, посреди которой под пленкой маслянистой копоти покоился сложнейший – на взгляд Шелли – пульт. По крайней мере, на «Рурке» системы управления выглядели в сто раз проще.

...Быть может, командой с этого поста «Странник» был отправлен в вечное путешествие к звездам...

Плазменный шар подплыл к открытой смотровой розетке, приглашая следовать за ним. Сквозь толстое стекло виднелись холодные звезды открытого космоса и косматый шарик зеленоватого оттенка, мчащийся на значительном удалении впереди корабля, – ядро Ока Императора.

– Они с-соскучались... – В бесплотном голосе послышалось нетерпение.

Шелли остановился у пульта.

– Сначала ответы... – пролепетал он, чувствуя, что от страха едва справляется с речью, – а затем я выполню свою часть сделки.

От шаровой молнии оторвалась новая пылающая искра.

– С-соскучались... – прошипела она.

– *Они* обещали, что осмотрят галактику! – Шелли повысил голос, надеясь дерзостью придать себе уверенность.

– *Они!*.. – Шелли показалось, что шепоток хозяина «Странника» тоже стал громче. – *Они* осмотрели галактику Млечный Путь! *Они* проверили оба Магелланова Облака! Скопления галактик в Волосах Вероники! Радиогалактику Центавр А и галактику М51 в созвездии Гончих Псов!

У Шелли задрожали колени, едва он представил масштаб операции, инициированной им – молодой особью вымирающего вида, обитателем окраин системы остывающего красного гиганта. Он, ничтожный человечешка, заинтересовал и убедил сотрудничать невероятную в своем могуществе силу...

Вернулись симптомы «космической болезни». Шелли словно шагнул в пустоту. Мир растворился в непрерывно изменяющемся пылевом калейдоскопе. Пальцы судорожно вцепились в панель пульта, ломая крепкий пластик.

– В галактике Млечный Путь *они* обнаружили восемь рас, которые обладают космическими технологиями на той или иной стадии развития. В Магеллановых Облаках – их пятнадцать, – бесстрастно чеканила шаровая молния. – Центавр А – мертв. В скоплении Волос Вероники живут четыреста девять разумных рас, в галактике М51 – одиннадцать.

Шелли тряхнул головой.

– *Они* утверждают, что во Вселенной живут иные разумные существа? – не поверил он.

– *Они* передали недостаточно четко? Или беспокоишься, что органы чувств обманывают тебя? *Они* готовы повторить: разумом наделены более пятисот рас, обитающих только в тех галактиках, которые *они* успели осознать...

– И многие путешествуют в космосе... – ошеломленно пробормотал Шелли.



Он находился вдали от обитаемых территорий, один на один с загадочной сущностью древнего корабля-призрака. Он испытывал физический дискомфорт от невесомости и вполне объяснимый страх перед Капитаном. Но все же в его душе проклевывались зерна ликования.

– Знают ли обнаруженные *ими* цивилизации способ преодолеть межзвездные расстояния? – пытаюсь скрыть волнение, задал он главный вопрос.

Бывало, лет в тринадцать – четырнадцать он угонял «Рурк», выводил корабль вне эклиптики и затем отпускал в свободный полет, нацелив острый клюв на первую приглянувшуюся звезду. Шелли знал, что объекту со столь значительной массой, какую имел межпланетный корабль, никогда не преодолеть световой барьер и даже не приблизиться к нему. Он знал, что чужие звезды недостижимы. Он знал, что все корабли-ковчег, отправленные к ближайшим солнцам на релятивистских скоростях, рано или поздно теряются за горизонтом событий, и их радиосигналы пропадают самым загадочным образом.

Шелли, подобно многим в Сопряжении, считал, что система умирающего Солнца – западня для человечества. Естественная или же созданная чьей-то злой волей. Но его не покидала уверенность: выход из западни обязательно отыщется! Он верил в это с подростковой безапелляционностью и к своим двадцати двум годам не утратил порыв. Быть может, он родился, чтобы открыть людям путь к звездам!

От шаровой молнии ответвились две текущие электрические дуги. Вспыхнули и разметались по отсеку белые искры – невесомые капли расплавленного металла.

– *Они* не могут ответить однозначно, – призналось плазменное существо, – *они* отмечали корабли схожей конструкции в удаленных солнечных системах, но утверждать, что те принадлежат одной расе, – расе, освоившей межзвездные путешествия, – было бы безосновательно. *Они* считают – нужно продолжать собирать данные.

– Да-а, – вздохнул Шелли. – Кажется, сегодня я и без того услышал премного больше, чем рассчитывал.

– К тому же *их* исследование затрудняет невозможность прямого контакта. Видимо, очень мало разумных имеют храбрость взойти на борт появившегося из ниоткуда корабля. Так, мой юный Шелли?

Шелли кивнул, вспоминая свою первую погоню за кораблем-призраком. Головокружительное преследование то исчезающего, то вновь закрывающего звёзды «Странника».

Все-таки решительности и мужества ему, будущему иерарху прайда Шелли, не занимать! Если сейчас Капитан не в состоянии ответить на главный вопрос, значит, придется побеспокоить «Странник» еще раз. Только бы не стало слишком поздно...

– *Они* могут сделать прогноз поведения Солнца, скажем, на ближайший звездный год? Когда прекратится его расширение?

– *Их* прогноз не имеет смысла. Согласно *их* расчетам, Солнцу никогда не полагалось достигнуть нынешнего размера. Текущие параметры делают Солнце крайне нестабильной звездой. В любой момент оно способно сбросить внешние слои атмосферы и начать гравитационный коллапс.

– Значит, времени нет абсолютно, – пробормотал, сжимая кулаки, Шелли. – *Они* могут проанализировать имеющиеся данные по инопланетным технологиям и дать ответ сейчас? Ну, хоть какой-нибудь?

Шаровая молния некоторое время молчала. Даже свечение ее стало менее интенсивным, и отсек наполнился пыльным сумраком.

Наконец, плазменный мозг принял решение:

– Нет. *Они* не могут.

– Если бы мы только нашли способ дотянуться до звезд... – проговорил Шелли с мольбой в голосе. Самому «Страннику» пронестись по галактикам, – все равно что «Рурку» пере-

лететь с луны на луну в окрестностях столичной Нептунии. Только цену за господство над пространством «Странник», а в прошлом – научно-экспериментальное судно «Баунти», и его экипаж из двенадцати человек заплатили непомерную. По человеческим меркам – чудовищную цену.

– Они предлагают назначить новую встречу, – сказала шаровая молния. – Когда Око Императора обогнет Химеру и направится к Солнцу, у *них*, возможно, будет готов ответ.

Шелли с сожалением покачал головой. В какой-то миг он даже решил, что Капитан хитрит. Что отныне это создание станет врать и изворачиваться, дабы регулярно заполучать на борт корабля-призрака пришедшегося по душе молодого человека.

Сначала Шелли поморщился от отвращения, однако, подумав, отменил эту версию. «Странник» слишком чужероден, чтобы испытывать человеческие чувства. Даже его «с-соскучалиссь...» – всего лишь ширма, за которой скрывается совсем иная потребность.

– Тебе нужно уходить... – сказала шаровая молния. – Парад планет Сопряжения рушится. Скоро внесистемная транспортная сеть выйдет из строя.

Шелли встрепнулся.

– Как?.. Впрочем... я догадываюсь. Опять Плутония!

Плутонианские экстремисты! Вечные борцы за независимость непонятно от чего и во имя чего. Как некстати! Плутониане – вот по кому плачет Партия!

Жаль, что официальное Сопряжение не заинтересовано в культивировании гена Золотой Удачи у мутантов. Божки мира людей – члены Пермидиона, заседающие на Трайтоне, предпочитают бросать в пламя ритуальных схваток благородных юношей. Плутонианам же позволено участвовать в Партии по желанию. Смешное неравенство, когда благородный оказывается в менее выигрышном положении, чем когда-то лишенный статуса человека отродье...

– Внесистемная транспортная сеть под угрозой... такое случается. Эти возмутители спокойствия не причинят серьезных неприятностей! – не так уверенно, как самому хотелось, отмахнулся Шелли. – Плутонианских бунтовщиков усмирят в течение сидерических суток, орбиту планеты синхронизируют...

Без сомнений – синхронизируют, ведь иначе нельзя. Три крайних планеты Сопряжения – Урания, Нептуния и Плутония – перемещаются вокруг Солнца дружным строем; между ними протянуты нити гравитационных лучей, образующих всем известную транспортную сеть. Благодаря ее существованию продолжительность межпланетных перелетов сократилась до нескольких недель, что само по себе – великое достижение человеческой науки, учитывая расстояния окраин.

Увы, но сверхтяжелые Юпитерекс и Сэтан не покорились макроинженерам прошлого. Они продолжают двигаться по своим орбитам точно так, как делали это миллиарды лет до начала эры господства человека в околосолнечном пространстве. Сообщение с ними, вернее, с их спутниками, поддерживалось посредством кольца транзитных станций, которое строилось, если не врут историки, более двух тысяч лет.

Через весь обитаемый космос тянутся невидимые магистрали, и в любой точке пространства Сопряжения можно отыскать «короткую дорожку» к любой планете, к Солнцу или к далекой Химере.

Если Плутония «выпадет» из строя Сопряжения, то внесистемный сегмент сети на какое-то время «рухнет», – это плазменное сознание «Странника» заметило верно. Плутонианские радикалы обожают мелкие пакости, даже если они чреватые нешуточным наказанием.

– Они обнаружили двадцать кораблей, несущих оружие. Группа идет курсом Плутон–Седна. Они полагают, ваши экстремисты решат сами, кого усмирять в Солнечной системе, а кого – нет.

Название мятежной планеты, произнесенное на старинный доимперский лад, резануло слух. Все-таки «Странник» – древняя посуда. Сколько же ему лет? Современное Сопряжение существует пятнадцать... пятнадцать с половиной тысяч лет, если брать в счет период Становления. А до того была Тысячелетняя смута. Была Империя Вторая, просуществовавшая около двухсот лет, было Многолетнее Варварство с нечеткими временными границами. На заре времен Солнечной системой владела Империя Лун, центр которой находился в окрестностях Юпитеркса. Шелли не знал, когда именно взошел на трон первый император. Давно, очень давно. Точную дату можно будет подсмотреть в исторической энциклопедии, когда он вернется домой, на Трайтон. Если вернется.

А «Баунти» построили до рассвета Империи Лун.

– Плутон–Седна? – переспросил Шелли. Слова Капитана откликнулись в душе неожиданной тревогой. – Там же Брут! Там же строят ковчег! Что бандиты забыли на Седне? Хорошо бы предупредить местный прайд... Когда плутонианские корабли достигнут планетоида?

– *Они* опасаются, что прибытие бандитов к Седне совпадет по времени с отключением сети.

– Если выйдет из строя транспортная сеть... – Шелли на миг замолчал, а затем зачастил на одном дыхании: – Седна – это аппендикс. Гравитационной направляющей нет. Отступить еще дальше, к Химере, невозможно. Население планетоида окажется в ловушке! Более того, когда сеть восстановится, ничто не помешает плутонианам вернуться к ближайшей магистральной развилке, а затем запутать следы, прежде чем к Седне подоспеют патрульные силы Сопряжения.

Он отступил к выходу из рубки.

– Капитан, я должен спешить.

– Должен, – согласилась шаровая молния, – но *они* так с-соскучались, так с-соскучались...

Мысленно проклиная предстоящую задержку, Шелли расстегнул воротник, открыв жилистую шею. С левой стороны – там, где под кожей угадывалась пульсация артерии, – к шее крепился уродливый нарост вытянутой формы: неприятная мешанина дикого мяса, серое пятно, которое можно было накрыть подушечкой большого пальца. Шелли полагал, что подцепил эту дрянь, когда сопровождал Климентину в ее псевдонаучных изысканиях на Пангее. Он собирался избавиться от нароста хирургическим путем, однако каждый раз операция по каким-то причинам откладывалась. И лишь оказавшись на борту «Странника», Шелли вспоминал, при каких обстоятельствах и для чего его одарили этим недугом.

Шаровая молния замерцала, словно дуга электрической сварки. Затем стремительно увеличила объем раз в сто, заполнив собой большую часть рубки. Плазменное свечение померкло, сменилось тускло-красным тлением цвета угасающих углей. Шелли глазом не успел моргнуть, как гигант, поразительно похожий на умирающее Солнце, выплеснул щупальце протуберанца и принял им к наросту на шее человека с алчностью очнувшегося после спячки кровососущего насекомого.

Шелли обмяк. Повис в невесомости, удерживаясь на палубе лишь с помощью магнитных подошв.

К сожалению, его единственным союзником и помощником оказался обыкновенный вампир. Вампир, пришедший к этому жутковатому способу питания за долгие годы скитаний по Вселенной. И недаром большинство астроников боялись встречи с ним, как огня.

Нашейный нарост-симбионт послушно расщеплял кровь Шелли до атомарной основы и транспортировал ее составляющие в «присоску» протуберанца.

Когда-то в седой древности, дабы не потускнел свет Солнца, шаманы и жрецы губили на жертвенниках миллионы людей. Вряд ли кровавая жатва как-то влияла на термоядерную

реакцию, бушующую в конвективном ядре ближайшей звезды, но все же в действиях хранителей знаний присутствовала толика смысла.

Капитан «Странника» поглощал человеческую кровь, словно щедрый бульон из химических элементов.

Не сумев избежать соприкосновения с Капитаном, Шелли пребывал на зыбкой границе между реальностью и беспамятством. В такие минуты история «Странника» – «Баунти» разворачивалась перед ним, словно двухмерный кинофильм. Все тайны плазменного существа были видны как на ладони. Печальная судьба научно-экспериментального корабля, бросившего вызов гиперпространству и размазанного действием еще никем не сформулированного закона физики по выпуклости Вселенной... Одновременное существование в бесконечном множестве точек пространства... Тысячелетия бесцельного полета, без права посещения человеческих портов... Одной ногой в нормальном пространстве, другой – в немодулируемом *нигде*...

Системы ориентирования умного «Рурка» не спускали электронных глаз с ближайшего лазерного маяка. Сверхмощный излучатель, установленный на Хавроне, подсказывал кораблям местоположение главной ветви внесистемной транспортной сети Сопряжения Планет.

Шелли прикоснулся ладонью к сенсорной панели. Сразу же развернулось голографическое «дерево навигационных указателей». Маяку на спутнике мятежной Плутонии доверять не стоило. А вот, например, луч лазера с орбиты родной Нептунии, – он хоть и подрастерял мощность, но оставался надежным. Шелли установил маркер на первом выбранном ориентире, затем дал задание кораблю искать Седну. Через десять секунд «Рурк» обнаружил сигнал планетоида, а детектор гравитационных волн указал путь к магистрали.

Шелли спрятал саднящую шею под воротник («Не забыть удалить проклятый лишай, когда окажусь на Трайтоне!») и запустил новую программу полета. До выхода на орбиту Седны «Золотой Сокол» не нуждался в указаниях человека. Его хозяину можно было выпить бокал вина, поплескаться в бассейне и как следует подумать.

«Странник» изменил вектор движения, как только «Рурк» вырвался из хвоста Ока. Не активируя маршевых двигателей, при помощи серии локальных гиперпрыжков, он ушел с траектории кометы. Утоливший голод вампир, зависнув у смотровой розетки, смотрел всей поверхностью плазменного тела вслед набирающему скорость «Золотому Соколу».

## 2

Климентина ждала этого дня по двум причинам.

Во-первых, несмотря на относительность времени, именно сегодня должен был вернуться из сверхпродолжительного телепатического путешествия к планетам Ахернара чудак Ай-Оу. Как обычно, оказавшись дома, на Тифэнии, Ай-Оу спешил связаться с ней или с Брутом. Или с высокомерным Шелли. Хотя последний, как поговаривают, изо всех сил избегает общения со старинным другом. Климентина понимала (о да, – понимала!), что чудак немного не в себе, и что в восторженных рассказах о мирах, находящихся на расстоянии многих световых лет от Солнца, нет ни слова правды. Но все равно, в ее сердце, обросшем на Пангее многослойной ледяной коркой, начиналась весенняя оттепель. Чудака невозможно было не любить. И еще Климентина считала Ай-Оу более нормальным, чем, к примеру, тихопомешанного пижона Айвена Шелли.

А во-вторых, сегодня их миссия должна была получить доказательства вненептунианского происхождения Пангеи. Наконец-то! Убедительные доказательства, – так обещал руководитель миссии, иерарх Контон.

Приятно, весьма приятно, что результат продолжительной работы – не «отсутствие результата» и даже не «отрицательный результат», как это часто случается. Сама Климентина ни секунды не сомневалась в истинности теорий иерарха. О, Контон просто не умел ошибаться! Если бы все мужчины были столь же здравомыслящими, как белоснежно-седой Контон...

На заре образования Солнечной системы могла ли возникнуть столь плотная и тяжелая луна, как Пангея, на окраине протопланетного диска? Нет, не могла! Каждый, кто мало-мальски разбирается в палеопланетологии, знает, что во внешнем слое планетарного облака газ преобладал над твердым веществом; родившиеся со временем спутники планет-гигантов имели сравнительно небольшие размеры и состояли наполовину из льда. Высмеяна и теория о том, что Нептуния захватила гравитационным полем блуждающую планету, сделав ее своей луной, – космос слишком велик, чтобы произошло столь маловероятное событие. Да и само название: «Пангея»... Это только невежественный Шелли в приличном обществе посмеет заявить, что в названиях древних смысла не больше, чем в реликтовом излучении. Мол, что такое «Ганомайд» – бестолковый набор фонем, что такое «Трайтон» – ахинея какая-то... И «Пангея» – чушь подобного толка.

Впрочем, благородным юнцам свойственны поверхностность и безапелляционность.

На Пангее много льда. Почти столько же, сколько и на других лунах Урании и Нептунии. Вот только состав его престранный: сверху километровый слой застывшего азота и кислорода, глубже – подушка водяного льда. Подо льдом – каменная поверхность. Сегодня, кстати, она станет доступной для прямых исследований.

Контон уверяет, что Пангея сформировалась недалеко от центра системы Солнца и долгое время существовала как планета с пригодной (ох и смел на предположения иерарх!) для дыхания атмосферой. По его словам, именно на Пангее, а не на Еуропе, как ныне принято утверждать, морские млекопитающие выбрались на сушу и обрели разум, став людьми.

Когда в ядре Солнца закончился водород и внешняя оболочка звезды стала разбухать, поглощая планеты одну за другой, древние нашли способ переместить прародину на безопасное расстояние и «закрепить» ее на орбите Нептунии. «Бред! – восклицали оппоненты иерарха. – Если наши предки обладали *таким* могуществом, то, что же, позвольте спросить, помешало им покорить галактику? Почему сегодня мы вынуждены бороться за выживание на окраинах Солнечной системы среди льдов, комет и планетезималей?» «Сбросить планету с орбиты, запустить ее, подобно снаряду – для этого не нужно обладать экстраординарным

интеллектом, – оппонировал Контон. – Требуется бомба невероятной мощности и наглость, не знающая пределов...»

Под куполом штаб-квартиры миссии мерцала детальная голограмм-проекция Пангеи. Виртуальный глобус сконструировали на основе данных, полученных путем рентгеновского сканирования. Было видно, что в восточном полушарии подо льдами скрывается огромный массив, в который слились древние континенты. Титанический материк уродовала сеть крупных метеоритных кратеров, протянувшаяся узким языком от северных умеренных широт до южного полюса.

«Наши предки не задавались целью сохранить на прародине условия, пригодные для жизни, – писал Контон в своей скандальной книге «Десант на Пангею». – Они были намерены уберечь планету в целом. В качестве монумента».

«Для того чтобы сбросить Пангею с орбиты, – предполагал иерарх, – люди взорвали ее естественный спутник – объект, названный палеопланетологами «Луной-1». Многочисленные кратеры в восточном полушарии Пангеи оставлены обломками, упавшими на поверхность планеты. После взрыва «Луны-1», прародина людей «перевернулась через голову». Развернулась осью вращения параллельно эклиптике («легла на бок», подобно Урании) и начала стремительное «падение» на «дно» системы. Миновав орбиту Мареса, упоминания о котором сохранили ранние летописи Империи, многострадальная прародина стала «тормозить», подвергаясь поочередно воздействию гравитационных полей Юпитерекса, Сэтана, Урании... Казалось, дерзкой затее пращуров не суждено осуществиться, однако последняя «станция» перед выходом из Солнечной системы – красивая голубая Нептуния – удержала Пангею в пространстве людей. Холод и вечные сумерки окраины (рост объема Солнца, связанный с охлаждением звезды, никак не изменил условия в окрестностях дальних планет) привели к тому, что атмосфера Пангеи, – та ее часть, что не растерялась во время неуправляемого полета, – упала на грунт в виде азотно-кислородного снега...»

Кстати другие, уже более «близкие» предки, в полной мере использовали ресурс полезных газов Пангеи, срезая лед и переправляя его на обжитые планетоиды Сопряжения: для поддержания атмосферы тогда еще столичного Ганомайда, для химической промышленности Эриэла и Хаврона. На поверхности Пангеи остались следы масштабных работ: система взаимопересекающихся борозд – так называемые «шевроны».

Утром Климентине довелось по-настоящему испугаться. Рабы, которые прокладывали шахту сквозь газовый лед к выбранному иерархом кратеру, натолкнулись на линзу жидкого азота. Когда к усыпанному крупными звездами небу Пангеи взметнулись белесые султаны, ей показалось, что среди пара и обломков машин она заметила скафандры людей, подсвеченные дежурной люминесценцией. В тот момент она коротала смену в центре телеметрии и взрыв увидела на мониторе подконтрольной орбитальной станции наблюдения. Сию же секунду засверкали красные тревожные огни, коридоры и отсеки научной станции огласил вой сирен. Климентина оставила пост и побежала к шлюзу.

Корпуса миссии располагались на платформе, установленной на пустых цистернах-поплавках, посреди изрезанной бороздами равнины. Поплавки предназначались для изоляции тепла, так или иначе излучаемого научной станцией, от взрывоопасных замерзших газов.

Климентина стала судорожно забираться в скафандр, представляя, как сейчас помчит по скользкой металлической поверхности платформы к выдвижной лестнице, а затем – по «понтонной» дорожке к шахте. Она ожидала, что раненых и убитых будет много.

Главное, удержать себя в руках и воспользоваться лестницей, а не прыгнуть с края платформы, как частенько хотелось сделать. На Пангее сила тяжести – ой-ой. Именно из-за некомфортной гравитации Пангею так и не заселили. Заместитель иерарха по научной

работе однажды сказал, что на поверхности, вне зоны гравитационной эмуляции, она будет весить пятьдесят два килограмма. Немыслимо!

Знания Климентины в области спасательных работ ограничивались базовым курсом оказания первой помощи. Но ей приходилось попадать в передряги и выбираться из них, так что полезным опытом она обладала и была готова им делиться.

Задержался на платиновой цепочке личный «комм», требуя ответить на вызов. А она уже в скафандре! Климентина выругала себя за то, что не включила переадресацию (с кем не случается в минуты «красной» тревоги!), «запитала» системы скафандра. По дежурной частоте вызвала координатора наружных работ. Нахмурилась, когда в наушниках раздался громкий голос Рэндала. Климентина недолго любила самоуверенного атлета за ядовитый язык и чрезмерную любовь к спорам, за горячие руки, не упускающие возможность ухватить ее пониже, и совсем уже не выносила жизнерадостный хохот, издаваемый им при этом.

– ...отбой тревоги! Отбой! Вы что, оглохли?! – трубил басом Рэндал. – Никто не пострадал! Приказ иерарха снабжению: готовьте материалы, начнем «тянуть» газоотвод заново, потому что старый... – Рэндал прибавил пару бранных слов.

– Рэндал, в чем дело? Почему включилась тревога? – спросила Климентина. От сердца немного отлегло: если Рэндал говорит, что все целы...

– Приветствую, моя милосердная! – с готовностью отозвался координатор. – Большая неприятность на наши головы: газоотвод не выдержал давления азота. Ты видела светопреобразование? Но все дышат, все живы, – не тревожься! Эти недоразвитые буровики с Трайтоне расторопны, как свежемороженые блохи!

– Помощь требуется? – вздохнув, спросила Климентина. После эвакуации Ганомайда Розовый Берег на Трайтоне стал новой столицей Сопряжения. Едва ли специалисты с его невольничьих рынков были глупее остальных сотрудников миссии; к тому же Шелли – коренной трайтонец. Может, он и негодяй, но никак не отсталый...

– Конечно, требуется, – без раздумий согласился Рэндал. – Завари мне чаю!

– Необходимо ли выходить на поверхность? О, Рэндал, не кради мое время! – пришлось прикрикнуть на координатора ответственной Климентине, хотя ей и без того стало ясно, что сегодня ее героизм не пригодится.

– Возвращайся на пост, Ен-Ти! – грубовато ответил Рэндал. – У меня работы – до конца времен не справиться! Еще ты пристаешь со своей помощью!..

Она сбросила с плеч экзоскелет скафандра. Получилось не так мягко, как полагалось по правилам эксплуатации спецсредств. Гордая и растрепанная вернулась в центр телеметрии. Опустилась в кресло. Любопытная Бериллия тут же выглянула из-за монитора.

– Я подкорректировала орбиту твоей станции, – сообщила она Климентине. – Подняла апогей... Проверь сама!

Климентина сухо поблагодарила: нет ничего хуже, когда твои настройки перебирает другой оператор, пусть даже с самой благородной целью. Окунулась в параметры орбиты и охнула: красное Солнце! – она едва не упустила станцию! Да, могло быть и хуже. Когда они с Рэндалом пререкались в шлюзе, станция начала набирать скорость, все глубже забираясь в разреженную атмосферу Пангеи.

Вечером, когда красная клякса агонизирующего светила опустилась за горизонт, а голубой полумесяц Нептунии затмил звезды, все собрались в центральной лаборатории. Климентина, как обычно, стояла в стороне от шумных компаний. Отовсюду слышался смех, не лишенный нервной нотки. Кто-то громко обсуждал Партию минувшего сезона и сетовал на свою Золотую Удачу.

Будто сейчас было подходящее время и место!..

Когда в небе появился еще один полумесяц – полупрозрачный рожок розового Трайтона, в лабораторию быстрым шагом вошел иерарх Контон. Одетый во все черное, седой и холодный, как льды Пангеи, он угрюмо оглядел собравшихся. Сложилось впечатление, что он попросит всех вон. Уголки губ иерарха поползли вниз, заключив выпяченный подбородок в дрожащее полукольцо.

Не сказав ни слова, он направился к реактору. Осторожно, словно больного ребенка, Контон нес цилиндрический контейнер. Прыткий Рэндал оббежал иерарха и поднял прозрачный кожух реактора.

– Удачи, иерарх! – поспешила выразить свое расположение к главе миссии искренняя Климентина. Иерарх никак не отреагировал на реплику. Вместе с Рэндалом он закрепил цилиндр на рабочей плоскости, придирчиво поправил манипуляторы сканирующего устройства. С первого взгляда было ясно, что Контон нуждается в помощи: его узловатые пальцы тряслись так, будто принадлежали не ученому-революционеру, а старому выпивохе.

– Активировать! – бросил Рэндал рабам-техникам.

Раздалась мелодичная трель, из-под кожуха реактора полился неприятный, причиняющий боль глазам синий свет. Иерарх отвернулся от устройства. Заложил руки за спину, двинулся к окну, через которое минуту назад Климентина наблюдала эволюции неба Пангеи. В стекле отражались всполохи работающего реактора.

Климентина поспешила освободить иерарху дорогу. Однако Контон синхронно сделал шаг в ту же сторону, встал перед молодой миссионеркой и уставился на нее, словно она была не живым человеком, а плазменной статуей на экспозиции в трайтонском музее искусств. Климентина понимала, что иерарх не имеет в виду ничего дурного, просто мысли его были целиком и полностью заняты веществом, добытым зондом со дна кратера. Все знали, как для Контона важно обнаружить на Пангее частицы гипотетической «Луны-1».

Миссионеры, прищурив глаза и затаив дыхание, следили, как под прозрачным кожухом реактора извиваются гибкие манипуляторы.

– Внимание – данные... – объявил, заикаясь от волнения, вечно прячущийся в кабинете, а сегодня – вынуженный на всеобщее обозрение заместитель иерарха по научной работе. – Следы пироксенов, оливины, «ударный» кварц...

Контон, наконец, осознал, что битый час смотрит на девушку пластмассовыми глазами. Ожил, вымученно улыбнулся.

– ...опять оливины, незначительное содержание никелистого железа, – заместитель по науке продолжал читать появляющиеся на мониторе столбики с формулами, – углеродные соединения...

Климентина услышала дружный вздох разочарования. Блистательная теория иерарха рассыпалась. Он так надеялся обнаружить следы радиоактивных изотопов. А силикаты и пыль... Даже у нее – профана в области планетологии – возникло впечатление, что Пангею испокон веков поливали метеоритные дожди из вещества, слагающего темные, каменистые арки Нептунии – ее рваные, неполные кольца. Сегодня, вопреки ожиданиям, они получили факты не подтверждающие, а опровергающие теорию Контона. Походило на то, что Пангея испокон веков была «привязана» к Нептунии. Быть может, даже аккумуляровалась в одной области аккреционного диска вместе с Трайтоном и Нерейдами.

– Прикажете начать новую проходку? – опередив всех, обратился к иерарху Рэндал. – К другому кратеру?

Иерарх пристально, будто спрашивая совета, посмотрел Климентине в глаза. Она решительно насупилась и кивнула. Все молчали.

– Иерарх? – потребовал ответа Рэндал.



Контон отвернулся от Климентины, опустил голову и вышел на середину лаборатории. Не поднимая глаз, потоптался возле потрескивающего остаточным электричеством реактора.

– Оставьте! Нет необходимости в новом шурфе! – раздался, наконец, его сварливый голос. – Продолжайте разрабатывать указанный цирк! Что-то мне подсказывает, друзья, что под слоем силикатов отыщутся радиоактивные обломки «Луны-1»... Ищите следы редко-нептунианских изотопов, в частности – «гелий-3»! Ищите породы, «пропеченные» солнечным ветром!

– Сделаем, как вы сказали! – ответил Рэндал. Миссионеры огласили лабораторию одобряющим гулом. Вместе с остальными «погудела» и Климентина.

«Комм» вновь рванул цепочку, когда Климентина в компании скромной Бериллии завершала вечернюю трапезу. Были съедены моллюски, тушеные водоросли и фруктовый салат. Пришел черед коктейлям и неспешному разговору, а Климентина отставила бокал, схватила салфетку и выскользнула из-за стола. Бериллия проводила ее застенчивым, но в то же время жадным взглядом сплетницы на ранней стадии развития.

Оказавшись в полутемном коридоре, Климентина сунула руку за обтягивающий шею воротник рабочего комбинезона и выудила, потянув за беспокойную цепочку, платиновый диск. «комм» покрывали мельчайшие узоры, среди них можно было различить силуэты давно вымерших животных и мифических божеств; в центре диска поблескивал гранями крупный изумруд.

Климентина положила диск на ладонь, драгоценным камнем вверх, и отвела руку в сторону. В следующий миг над изумрудом возник полупрозрачный шар бело-синего света. Вглядевшись в его глубину, Климентина не увидела ничего. Только белые трассеры помех метались в произвольных направлениях.

– Иерарх? – спросила она пустоту.

Ничего. Визуальный канал не открывался.

Климентина повысила голос:

– Рэндал, признайся – это ты?

Наконец, она смогла расслышать тяжелое дыхание. Сиплый вдох – словно кто-то втягивал в себя воздух сквозь влажную, натянутую до прозрачности мембрану; затем выдох, переходящий в тонкий свист. Климентину обдало холодом: нехотая вспомнилось, что с таким же хрипом и мучительным сипением за каждый глоток воздуха боролся ее приемный отец, – бедолага скончался на борту медицинского корабля, на половине пути к Трайтонскому центру инопланетной патологии. Говорили, будто он заболел на Иксионе, во внесистемном пространстве, – подцепил какую-то особенно опасную вирусную пневмонию. Внутриклеточные паразиты за считанные часы превратили его легкие в аморфную массу кремоподобной консистенции. Отцу позволили связаться с Климентиной; старик хотел попрощаться с дочерью на случай, если доктора Сопряжения не совладают с недугом. Когда связь установилась, он уже не мог говорить. Тот самый случай настал.

– Шелли? – вдруг предположила Климентина. – Недостойный из благородных! Если я узнаю, что это ты вздумал разыграть меня...

Она оглянулась. Казалось, для беспокойства нет причин. Коридор пуст в обоих направлениях, из приоткрытой двери трапезной льется неяркий свет. Слышно, как Бериллия себе под нос напевает фривольные катрены о благородных и бесфамильных.

Но отчего-то Климентине стало жутко. Жутко и бесконечно одиноко, словно невидимая стена в миг отделила ее от привычной атмосферы научной станции, от друзей и единомышленников. Словно ее заперли в одной клетке с чем-то темным, страшным и бесконечно чужим. И что это «чужое» медленно двинулось из своего угла к ней навстречу...

– Ай-Оу... – ответил ей искаженный до неузнаваемости голос. – Это... Ай-Оу... – Фраза закончилась долгим свистящим выдохом.

– Ай-Оу?

Почему-то ей не стало спокойнее. Даже наоборот – иррациональное чувство страха усилилось. Да, она ждала вестей от чудного друга... Но прийти они должны были совершенно иным образом!

Радиосигналу нужно время, чтобы преодолеть долгий путь от Тифэнии до Пангеи. Поэтому им с Ай-Оу пришлось приловчиться вести «затяжные» разговоры. В центре связи Климентина коротала вынужденные паузы при помощи крепкого чая и незначительных доз мелкорастолченной «колючки». Но сейчас Ай-Оу вышел на связь через личный «комм», – так, будто он находился на Пангее, либо где-то неподалеку – в окрестностях Нептунии.

Первое пришедшее в голову объяснение оказалось весьма рациональным: в центре связи дежурит кто-то из приятелей. Зная, что Климентина ожидает вестей с Тифэнии, этот «приятель» перебросил входящий сигнал с Тифэнии на ее «комм».

Логично? Кажется, да.

Климентина поспешила взять себя в руки. Зачем заражать чудака собственной необъяснимой тревогой? Ай-Оу не любит, когда она расстроена. Больше бы в голос тепла и материнской заботы. В последнее время она разговаривает с Ай-Оу только так.

– Приветствую, мой дражайший друг! Как ты? Как твой Ахернар? Ты уже вернулся или еще *там*?

Она не справлялась с голосом, определенно не справлялась. Понять, что происходит с Климентиной на самом деле, обычно проницательному Ай-Оу было не сложнее, чем отыскать в дневном небе Солнце.

– Мой... Ахернар? – ответил вопросом на вопрос Ай-Оу. Фраза последовала с незначительной задержкой. Чересчур незначительной, если брать во внимание разделяющее их расстояние. Климентина услышала серию булькающих звуков и вновь ощутила внутри себя холод: она поняла, что чудака смеется.

– Что стряслось? – спросила она. – Благородный Ай-Оу! Ты нездоров? Тебе плохо?

– Много... кислорода... давление... опускать... буду... – медленно, по слову, по пол-слова объяснил Ай-Оу.

– Да-да-да! Ты как всегда прав! Когда много кислорода – тоже ничего хорошего! Особенно, если – ха-ха! – давление высоко.

Климентина встревожилась не на шутку. Чудака никогда не говорил с запинками. Наоборот, когда Ай-Оу переполняли эмоции, речь его превращалась в скороговорку. По мере того как болезнь чудака прогрессировала, скороговорки выходили все менее внятными. Сейчас же она слышала нечто совершенно противоположное.

– Ай-Оу, тебя кто-то обидел? Ты чем-то расстроен? Скажи мне, милый!

Ее схватили за плечи и приподняли над полом. Климентина взвизгнула, рванулась прочь. Диск-проектор сорвался с ладони, по металлическим стенам заметался расфокусированный голубой луч.

Но это оказался всего лишь Рэндал! Краснолицый, самоуверенный Рэндал.

– Бегу будить трайтонских лежебок! Продолжим грызть грунт! – заявил он бравурно. Было видно, что бурная реакция Климентины в ответ на хулиганство обескуражила парня, и эта показная бравада – лишь щит, за которым он поспешил спрятать растерянность.

Рэндал и в самом деле не задержался. Заспешил дальше, пролепетав на ходу риторическое: «Опять связь подводит? Ах, когда же! Ах, когда же нам купят новый передатчик!..»

– Ай-Оу! Ай-Оу! – Климентина вернула диск на ладонь. Видеоканал по-прежнему оставался «мертвым». Так же кипело в пределах голографической сферы броуновское движение помех. – Что случилось? Где ты находишься, милый?

– Здесь ночь... всегда... ночь... время диюдархов, Ен-Ти...

Климентина прижалась спиной к стене и зажмурилась. Она со страхом ждала, что чудной друг скажет еще. Теперь она окончательно уверилась, что с Ай-Оу случилась беда.

– Лишь рожденный... в глубине ночи... сможет правильно... оценить... стоимость Солнца...

– Ай-Оу, там есть кто-нибудь рядом? Послушай меня, милый! – взмолилась Климентина. – Позови кого-нибудь! Позови доктора, Ай-Оу!

– Но они меня... не понимают!!!

– Слышишь: я пока не могу к тебе лететь! Ты слышишь меня? Я занята на Пангее! Ай-Оу! Позови маму! Позови кого-нибудь сейчас же!!!

– Кислород... дышать... трудно мне... давление... ниже...

«Комм» громко щелкнул. За щелчком последовал свист на высокой ноте, и... связь прервалась.

В тот же миг пол под ногами Климентины качнулся. Тишину разорвал сигнал тревоги. Из трапезной послышался истеричный дребезг сбитого на пол подноса с посудой. Заглушая сирену, зазвучал меланхоличный голос системы аварийного оповещения:

– Опасность! Разгерметизация в центральном модуле!

Сквозь хрустящую вату, внезапно заполнившую уши, Климентина услышала отрывистый лязг захлопывающихся вакуумных переборок.

### 3

Когда люди научились использовать энергию гравитационных волн, всеобщая радость не знала границ. Когда же для этих волн был изобретен аналог лазера – устройство, делающее гравитационный поток когерентным, кое-кто из скорых на выводы публичных лиц заявил, что дорога к звездам открыта. Наконец, люди овладели источником энергии, который позволяет разгонять космические корабли до скорости, приближенной к световой.

Однако решение одной задачи привело к появлению другой. Оказалось, чтобы использовать гравилуч в транспортных целях, необходимы как минимум два типа установок. Излучатель в точке отправления и рефлектор в точке прибытия. И еще – инфраструктура, чтобы вдохнуть в них жизнь. Тем не менее польза от изобретения была несомненной: раньше и мечтать не смели о том, что путь от Урании к Нептунии займет меньше месяца.

Закончился период Тысячелетней Смуты, началась пора Становления Сопряжения.

Давно это было.

...«Рурк» достиг окрестностей Седны раньше, чем рассчитывал Шелли. Напоминание о том, что корабль вот-вот сойдет с магистрали и начнет торможение, застало его в бассейне. Шелли прибежал в рубку нагой и мокрый. Склонился над сенсорной панелью, роняя на нее сверкающие капли.

Три дня назад он отправил два пакетных радиосообщения. Одно – Бруту на Седну, второе – в сторону ретранслятора у внешней границы пояса Койпера. Возле ретранслятора обычно болталась пара кораблей Патруля Сопряжения с изнывающими от скуки бойцами на борту.

Ответ Брута привел Шелли в недоумение. Дружище отозвался следующим образом: «Мой привет тебе, Айв! Держись от Седны подальше, ладно? Все подробности – позже, ты поймешь. Твой Брут».

Неужели Брут решил, будто он, Шелли, испугается жалких плутонианских экстремистов?! Никак нет, приятель! Даже если у бандитов двадцать вооруженных кораблей, ни он, ни «Рурк» не подкачают.

Патрульные оставили сообщение Шелли без ответа. Быть может, сигнал затерялся в пустыне внесистемного пространства? Что ж, такое случалось.

Вообще, если у кого-то появлялась информация об угрозе транспортной сети Сопряжения, – а ею можно было считать предсказанное «Странником» смещение Плутонии, – полагалось немедленно известить службу транспортной безопасности на Трайтоне.

Но Шелли не стал беспокоить людей дедушки Огра по нескольким причинам. Во-первых, Трайтон очень далеко. Во-вторых, осведомитель Шелли у чиновников Сопряжения доверия бы не вызвал. В-третьих, дедушка Огр испытывал к прайду Шелли антипатию. Он не упустил бы возможность вывернуть ситуацию наизнанку и использовать ее против любого, кто имеет отношение к этой фамилии: будь-то дряхлый, как Солнце, старик Юлиус или молодой и горячий Айвен.

Как только «Рурк» «потерял» гравилуч, радар дальнего обнаружения сразу уловил формацию плутониан. Бандиты шли к Седне плотным строем. Чересчур плотным, если оценивать с точки зрения тактики космической войны. Быть может, предположил Шелли, они пытаются скрыть свою численность? Однако даже на немалом расстоянии, разделяющем их, сканер «Золотого Сокола» без труда распознавал особенности формации, а также то, что в середине строя находится корабль, в семь-восемь раз превышающий размеры остальных.

С какой стати плутонианам вздумалось нападать на Седну? С них, конечно, станется. Эти маргиналы в любой момент способны нанести предательский удар... Однако свободлюбивая Плутония противостоит официальному Сопряжению легальными и полуполюгаль-

ными методами, но не компрометирует себя рейдерскими атаками на внесистемные планетоиды. Зачем мутантам чернить себя столь открытой агрессивной акцией?

Быть может, они намерены захватить корабль-ковчег, который строит прайд Брута, и убраться на нем из системы Солнца? В дни агонии светила каждый ищет способ сбежать за тридевять парсеков. Он, Шелли, выведывает информацию об инопланетных технологиях, Ай-Оу переносится на расстояние световых лет «телепатически», а бесхитростный Брут сооружает корабль-ковчег.

«Значит, плутониане намерены спастись за чужой счет? Нужно немедленно связаться с Брутом!»

Из черноты космоса материализовался незнакомый с ярким солнечным светом неровный шар Седны. На приборной панели «Рурка» замигал огонек вызова. Шелли щелкнул пальцами, надевая на себя маску бесстрашного аса. Над пультом возникла объемная проекция. Лазер соткал смуглое, плосконосое лицо.

– Брут! – Шелли поприветствовал друга холодноватым кивком. Своим видом он продемонстрировал, как глубоко оскорблен предыдущим посланием Брута. Тем не менее благородный Шелли готов пожертвовать жизнью ради тебя, неблагодарная рептилия.

– Айвен! – буркнул Брут.

– Готовь противокосмическую оборону, Брут, и ничего не бойся – я рядом! Вместе мы поставим дерзких возмутителей спокойствия на место!

– Шелли, поворачивай немедленно! Возвращайся! «Садись» на магистральный луч и убирайся!

– Брут, ты не понял: я собираюсь...

– Я прекрасно понял. Ты обязан сейчас же увести «Золотой Сокол» прочь от Седны. Прости, дружище, но твое присутствие в пространстве прайда Бейтмани крайне нежелательно!

– С каких пор Шелли стали чужими в космосе Бейтмани? – Шелли, понял, что больше не в силах играть роль межпланетного героя; настолько сильно он обиделся.

– ...куда угодно: на Трайтон, – продолжал вещать Брут, – на Нереиды! Только чтоб я тебя не видел!..

Шелли растерялся:

– Но внесистемная сеть «упадет» с секунды на секунду!

Брут потер глаза жестом смертельно уставшего человека.

– Тогда уводи «Рурк» в свободный полет. Включай «маршевики» и мчи, не жалея топлива, чтобы на радарх и след простыл!

Столь неожиданное, ничем не аргументированное хамство сбивало с толку.

– Прости, друг. По-моему, это спор глухого со слепым! – изрек Шелли и решительно прервал связь. Время идет, вот-вот ударная группа экстремистов окажется на орбите Седны. А оттуда до верфи – рукой подать. Даже сейчас невооруженным глазом различимы россыпи электрических огней на поверхности планетоида и титаническая конструкция ковчега (на самом деле, корабль-ковчег не так уж и велик размером, просто Седна очень маленькая).

Если Брут мнетя, если Брут хитрит и недоговаривает, значит нужно полагаться только на себя.

– Активация боевого режима, – прошептал Шелли, выводя на сенсорной панели замысловатые иероглифы секретного кода. – Дополнительная энергия на защитный экран... траектория перехвата... спокойно, Айвен, сейчас будет разворот.

На блестящее от пота лицо опустил боевой визор. Брут снова попытался выйти на связь, но Шелли отвечать не пожелал. Огонек входящего сигнала нехотя погас.

«Рурк» показал Седне блистающее брюхо, одновременно его корпус стал менять форму. Раскрылись плоскости золотых крыльев, выдвинулись сопла готовых к сражению

инфракрасных лазеров и плазменных пушек. Раздвинулся «клюв», его нижняя половина «съехала» к середине выпуклой «груди». Провернулись барабаны, заряженные ракетами.

Плутониане не изменили порядок движения, но детекторы «Рурка» зарегистрировали «взлет» частоты защитных экранов. Мутанты готовились к бою.

В электронный прицел Шелли рассмотрел корабли, с которыми предстояло сойтись в битве. Это были «Крылатые Быки» – одноместные штурмовые машины, с корпусами, покрытыми героическими барельефами и защитными рунами. В пилонах, расположенных под плоскостями коротких крыльев, прятались мощные ионные пушки, в «рогах» – прямых и острых, будто лезвия стилетов, – дальнобойные лазеры. В центре формации, окруженный со всех сторон «Крылатыми Быками», находился обыкновенный грузовой контейнер – массивный параллелепипед, состыкованный с примитивным тягачом – двигательной «спаркой».

Плутониане, конечно, бандиты, и благородство у них не в чести, однако открыть по экстремистам огонь без предупреждения для Шелли было немислимо. Но плутониане его опередили. Не отрывая лица от боевого визора, Шелли щелкнул пальцами. Лазер послушно построил голограмму зывающего.

Лысая голова бугрится складками кожи. Белеет кожа, как будто присыпанная пудрой. Сверкают крошечные красные глазки. Вязь причудливых татуировок покрывает щеки и лоб над переносицей. Оттягивают уши тяжелые серьги...

Обычный портрет плутонианского воина. Кровожадный мутант, варвар и бандит. Как здорово, что радиосвязь не передает запахи, – Шелли слышал, что в боевом походе плутониане не моются. Да и бассейнами, кажется, «Крылатые Быки» не оборудованы.

– Я узнал «Золотой Сокол», – сказал плутонианин без приветствия. – Ты – молодой Шелли. Знаешь ли, крольчонок, в давней Партии мне доводилось биться с одним из твоих родичей...

– Снизить мощность защитных экранов и изменить вектор движения на противоположный! – прокричал Шелли. – Вам нечего делать в пространстве Седны!

– ...Но не держи на меня зла, крольчонок. Партия есть Партия... Воля богов может каждого привести на «битое» поле... – Плутонианин улыбнулся, показав покрашенные серебряной краской зубы. – Меня зовут тиран Ласка. Можешь «остудить» пушки. Мы не причиним вреда Седне, клянусь покровом Девы Смерти.

Шелли готов был побиться об заклад, что во рту тирана мелькнуло раздвоенное жало змеиного языка.

– У нас сделка с прайдом Бейтмани. Нет смысла стрелять друг в друга...

– Какая еще сделка? – процедил бледный и потный Шелли. – Знай себе честь, мутант!

Тиран Ласка взглянул на Шелли так, как смотрит прожженный ловелас на юнца, воспевающего в стихах «прекрасную даму».

– Ты предупрежден. У меня нет желания брать на руки кровь еще одного Шелли. Впрочем, если ты, крольчонок, желаешь... На Плутонии двадцатилетних не называют юношами. В двадцать лет – они воины, представленные Деве Смерти.

Тиран Ласка повертел головой и растаял в воздухе. Шелли оттолкнул от лица пахнущий резиной боевой визор.

Вот так ситуация! Что здесь происходит, пожри всех Светило? Во что он встрял?

Седна – на правом траверзе. Верфь – как на ладони. Наверняка Брут пропадает рядом с недостроенным кораблем-ковчегом. Сверкает маяк, залита белым светом просторная посадочная площадка. Присаживайся и лови молодого Бейтмани, пока не поздно!

И он уже приступил к маневру сближения, когда «Рурк» издал предупреждающую трель. Шелли взглянул на радар и едва не выпрыгнул из кресла: к Седне приближались два патрульных корабля!

Они вышли к планетоиду борт о борт, могучие крейсеры Сопряжения. В то же время с приборной панели «Золотого Сокола» раздался удрученный писк: «Рурк» «потерял» транспортную сеть. Седна оказалась в изоляции.

– Мечи разящие... – прошептал Шелли. – «Дюрандаль» и «Экскалибур»!

Каким образом крейсеры первого класса оказались в глуши, в глубине пояса Койпера? Обычно они находились на геостационарной орбите над ночной стороной Трайтона. Поджидали во тьме тех, кто рискнул бы угрожать Розовому Берегу. И хотя безумцы, располагающие военной мощью, давно перевелись в унитарном Сопряжении, ни «Дюрандаль», ни «Экскалибур» не покидали окрестностей Нептунии. И вот теперь они здесь – во внесистемном пространстве.

Мечевидная форма крейсеров была предназначена ввергать противников в дрожь.

Шелли не являлся врагом Патрульных сил Сопряжения, но и его проняло.

Два километровых клинка, подсвеченных редкими позиционными огнями, медленно и словно нехотя выползали на высокую орбиту Седны. Их защитные экраны работали с такой мощностью, что детекторы «Рурка» зашкаливали, и наверняка для обычного оружия эти корабли были неуязвимы. Крейсеры развернулись к приближающимся «Крылатым Быкам» бортом: так, чтобы бандитов «разглядели» открытые оружейные порты всех боевых палуб.

Вновь замигал сигнал вызова. Шелли нетерпеливо щелкнул пальцами.

Брут рвал и метал.

– Айвен, «мечи» – твоих рук дело?

Шелли поджал губы. Кто бы мог подумать, что благородный Брут Бейтмани ведет делишки с самыми отъявленными негодяями системы Солнца? В конце концов, он – Шелли – обратился к Патрулю с самыми лучшими намерениями и краснеть ему не за что...

– Прими благодарность, друг, от меня, от прайда Бейтмани и от Седны! – продолжал сочиться желчью Брут. – Человеческим языком зывал к тебе: вернись в Сопряжение! Предупреждал! Просил! Но ты, дружище, оказался редкостным тугодумом! Не излагать же мне перипетии на открытой частоте?

– Брут! Перестань, Брут! – отмахнулся Шелли. – Я ведь хотел как лучше... – по-детски оправдывался он. – Что же мне теперь делать?

– Не знаю, – отрезал суровый Брут. – Что бы ты ни предпринял, ответственность за твою шкуру я с себя снимаю!

Едва отключился молодой Бейтмани, как на связь вышел Патруль:

– Говорит командир крейсерского отряда, адмирал Марк Пурбах. «Золотой Сокол», от лица Сопряжения прошу оказать содействие в нейтрализации группировки плутонианских экстремистов!

Шелли знал Марка Пурбаха. Тот принадлежал к влиятельному трайтонскому прайду. Консерватор и идеологический противник прадеда Юлиуса, адмирал Пурбах, тем не менее, был частым гостем в их Агатовой Пирамиде. Юлиус и Пурбах пили вино, играли в «Номы и номархи» и спорили по каждому поводу. Будто им недоставало споров и разногласий в Пермидионе.

Шелли посмотрел в глаза адмиралу и испугался. Марку Пурбаху не терпелось выпустить на волю чудовищную мощь обоих «мечей разящих».

Он схватился за голову. Дело обстояло из рук вон плохо: закон и честь обязывали его подчиниться Пурбаху. Минутой ранее он не стал бы обдумывать дальнейшие действия. Но Брут! Какую игру затеял его приятель? Если Шелли откроет огонь по плутонианам, не станет ли это равносильно нападению на прайд Седны?

Шелли медлил с ответом, а командир крейсерского отряда все заметнее хмурил брови.

– Я приношу извинения, благородный... – наконец изрек Шелли, – ... кажется, я неправильно оценил ситуацию. Седне ничего не угрожает, адмирал.

– Не вижу повода сомневаться! – возразил Пурбах. – Плутониане десинхронизировали орбиту планеты, нарушив тем самым целостность Сопряжения. Они привели в негодность внесистемную сеть. Сделали это, чтобы посторонние не помешали их планам. У тебя на радаре – два десятка незарегистрированных боевых кораблей! Что же ты, благородный? Патрульным Сопряжения требуется помощь славного золотого корабля Шелли!

– Нет, адмирал, – пробормотал Шелли, ощущая, как от стыда немеет лицо. – Я отмываю руки!

– Не расслышал тебя, – удивился командир крейсерского отряда. – Соболаговоли повторить!

Шелли повторять не стал. Отключил связь и направил нос «Рурка» на созвездие Ориона. Седна, плутонианские штурмовики и крейсера Патруля остались за кормовыми дюзами.

Пусть думают, что хотят! Пусть он станет первым в истории прайда Шелли преступником, но друг не назовет его подлым предателем. К тому же «мечи разящие» способны самостоятельно разделаться с бандитами.

Размышляя таким образом, Шелли ни секунды не сомневался, что конфликт разрешится без единого выстрела. «Крылатые Быки» – штурмовики грозные, но куда их группе против совокупной мощи «Экскалибура» и «Дюрандаля»? Едва ли они посмеют оказывать Патрулю сопротивление...

Подобно большинству благородных из Розового Берега, Шелли имел несколько одностороннее представление об уроженцах Плутонии. Жители крошечной ледяной планетки, мутанты, альбиносы. Несомненно – варвары (в этом можно было увериться, единожды увидев их). Жестокие и коварные, их основное времяпровождение – борьба за независимость от ненавистного Сопряжения. Причем постулат плутонианского движения, говорят, какой-то абсурдный: Сопряжение образовано из газовых гигантов, Плутония же к таковым не относится и по своей природе близка к внесистемным планетоидам, управляемым независимыми прайдами. Мол, в эпоху Становления Плутония была незаконно присоединена к системе Солнца, и теперь пришла пора восстановить историческую справедливость...

Детский лепет, не более.

Когда же «Крылатые Быки» открыли огонь по крейсерам, Шелли едва не потерял самообладание. Он до последнего мгновения не верил, что плутониане пойдут на столь самоубийственный шаг.

На «Экскалибур» и «Дюрандаль» обрушился шквал раскаленной плазмы; вспыхнули, став видимыми, защитные экраны крейсеров. Симметричный ответ Патруля не заставил себя ждать: вакуум пронзила сотня рубиновых лучей.

Шелли судорожно забарабанил по сенсорной панели, набирая коды связи.

Призвать к миру!

Призвать к разуму!

Он должен что-то предпринять! Он обязан их остановить! Не может нормальный человек безучастно наблюдать за столь безумным действием!

Но проклятый тиран Ласка не отвечал на вызов Шелли. И адмирал Пурбах решил игнорировать упряма...

Плутонианскому авангарду удалось сохранить строй. «Крылатые Быки» с животной напористостью прорывались сквозь встречный огонь, не рискуя тратить энергию на ответные выстрелы. Шелли понял, что они, сомкнув щиты, прикрывают неповоротливую грузовую «связку» – контейнер на двигательной «спарке». Арьергард же имел относительную свободу маневра и ожесточенно огрызался, стараясь не высовываться за пределы условно безопасной зоны. Бело-голубые плазменные сгустки неслись навстречу быстрым, словно молнии, лучам ярко-красного цвета.



Не прошло и тридцати секунд боя, а защита плутониан уже иссякла. «Крылатые Быки» сломали формацию, – для Шелли, который наблюдал сражение с надира, этот маневр выглядел так, словно над ним раскрылся огненный шар зловещего фейерверка. Крейсерская артиллерия без особого интереса обстреляла беззащитный контейнер, затормозив тем самым его инерционный полет, и поспешила переключиться на штурмовики.

«Крылатых Быков» разили, словно на учениях. Редкие залпы плутониан проникали сквозь щиты крейсеров, и еще реже наносили маломальский ущерб броне «мечей разящих».

Штурмовики плутониан превращались в металлический пар. Получив пробоину, «Крылатые Быки» лопались и выворачивались наизнанку, разрываемые внутренним давлением. Шелли ужаснулся, когда понял, что бандиты не бросают поврежденные корабли. «Рурк» не обнаружил ни одной спасательной капсулы, не уловил и сигналов аварийных маячков.

В космосе же воцарилось безумие. Шелли подумал, что он стал невольным свидетелем самой жестокой битвы последнего века.

Брошенный контейнер проплыл между крейсерами Сопряжения, едва не подрывая «Дюрандалю» нос. Параллелепипед был покрыт оспинами «лазерных ожогов». Оспины источали полупрозрачные струйки пара. Правый двигатель «спарки» превратился в нелепые лохмотья. Очевидно, металл, впитав энергию крейсерского залпа, на мгновение сделался аморфным, точно воск, а затем застыл в причудливой форме.

Патрульные продолжали превращать в субатомную пыль не желающих сдаваться экстремистов. Неуправляемую грузовую «сцепку» они игнорировали. Контейнер же, попав в поле притяжения Седны, – незначительное, однако доминирующее в этом секторе пространства, – увеличил скорость, изменил траекторию и... врезался всей массой в практически заверченный корпус корабля-ковчег Брута.

Шелли увидел яркий свет: он вспыхнул среди громоздких монтажных конструкций и подъемных кранов верфи. Со стороны могло показаться, будто на поверхности крошечной Седны проснулся вулкан. Будто его жерло выстрелило в космос потоком расплавленного вещества.

«Все! Брут меня прикончит без сомнений!»

Шелли устремил «Рурк» к Седне. Тусклый шар планетоида озаряли багровые отсветы космического сражения. «Золотой Сокол» пронесся над скалистой долиной, где среди отрогов в вечной тени серебрился газовый лед, а затем – над купольным городом, сквозь фасетки которого Шелли ухватил взглядом пятна живой зелени и трепет голубых вод. Рассмотрел он и угловатые башни противокосмической обороны, разбросанные по долине. Но, как в начале боя, так и теперь, пушки молчали.

Радар издал предупреждающий писк: над «Рурком» пронеслась шестерка черных, дельтовидных челноков. Пожаловал десант! Похоже, «дельты» направлялись туда же, куда и «Золотой Сокол». К Пирамиде прайда Бейтмани, чьи огни виднелись к северу от разрушенной верфи.

«Рурк» качнул крыльями, – мимо промелькнула оплавленная решетчатая ферма. Шелли прикусил губу от напряжения: кто бы мог подумать, что пилотирование над Седной потребует от него всего мастерства астроника? Повезло только в одном: в переделку он угодил на «Рурке». А «Рурк» – часть его самого... или это он – давно лишь нервный узел «Золотого Сокола»?

...Контейнер плутониан возвышался над искореженным ковчегом, словно памятник благим начинаниям Брута. А выше закручивался неспешный вихрь металлических обломков. В гравитационном поле Седны их ждет медленное, сонное падение.

«Золотой Сокол» пронзил вихрь, разминувшись в «полубочке» с двумя бесформенными фрагментами корабля-исполина. Шелли увидел, что на обращенной к нему стороне

Пирамиды Бейтмани вспыхнул ряд ярких точек. Прайд Брута готовился впустить десант патрульных сил.

«Брут Благоразумный! Трудно даже вообразить, какую бурю поднимет в Сопряжении сегодняшнее событие!»

Шелли пристроил «Рурк» в хвост к последней из «дельт». «Золотой Сокол» влетел в шлюз следом за челноком. Пока снаружи корабля выравнивалось давление, Шелли успел сменить пропитанную потом тунику на лучшую одежду: пышный камзол-патагий, вырощенный из живых клеток, серебристые меховые панталоны и теплые чулки. Потом натянул мягкие ботинки из светлой замши. Для того чтобы ходить и при этом не подпрыгивать к потолку, добавил себе весу при помощи золотых гирек на цепочке. Поглядел на зеркальную голограмму: кретин кретином... Как он покажется на глаза Бруту?

Провалиться бы сквозь землю, как говорит прадед Юлиус. Но, если встрял в неприятности, изволь пройти путь до конца. Проклятое фамильное упрямство...

У трапа его ждали.

Отряд десантников Патруля, все в доспехах: в глухих шлемах, литых панцирях, кольчужных юбках. Мускулистые руки сжимают древка шоковых копий, играют рукоятями коротких мечей. Хлюпают на поясах переполненные ядометы.

Шелли невольно всплеснул руками: Патрулю бы с таким же воодушевлением укрощать Плутонию, а не унижать штурмом Пирамиду уважаемого, пусть внесистемного, но почитаемого на Трайтоне прайда!

Командира отряда можно было узнать по золотому жезлу, прижатому к груди. «Кадудей! – вспомнил Шелли название жезла. – Лазерный излучатель! Самое совершенное ручное оружие!»

Лицо командира отряда закрывала бронзовая маска. По сияющей лицевой пластине струились металлические слезы.

– О благородный! Сложи оружие и подними руки! – послышался из-под маски искаженный шлемофоном голос.

Уж нет! Приберегите эти методы для беглых рабов!

– Я – Шелли! Со времен переселения Столицы с Ганомайда на Трайтон мой прайд состоит в Пермидионе. Я не ношу оружия. Нет необходимости обращаться со мной, как с хавронским каторжником!

– Ты арестован по приказу Инспектора, о благородный!

Шелли поджал губы.

– Другого и не ожидал. Но кто он такой – ваш инспектор?

– Начальник службы транспортной безопасности Сопряжения – благородный Огр Мейда, – ответил тот же искаженный голос.

– А-аха, – Шелли вздохнул. – Я понял. Повинуюсь.

Значит, вот откуда взялись «Дюрандаль» и «Экскалибур»! Старый, прескверный дедушка Огр инспектировал внесистемный сегмент транспортной сети, – он делал это как всегда с помпой и под охраной лучших боевых кораблей, – когда Шелли отправил сообщение по открытой частоте.

Старикашка наверняка потирает руки от удовольствия: судьба, наконец, свела его с одним из ненавистных Шелли.

– Я понял, – повторил Шелли. – Даю слово благородного, что не предприму попытки сбежать и предстану перед Советом прайдов, когда придет время. Если в этом есть необходимость, обязуюсь перемещаться под конвоем...

«Быть может, «бронзовые маски» уберегут меня от расправы Брута, – договорил он про себя. – Или от лап Огра Мейды».

На этот раз командир медлил с ответом. Наверняка, совещался с кем-то из высших чинов. Шелли ждал, с легким нетерпением переминаясь с ноги на ногу. Десантники скучали, наконечники их копий склонялись ниже и ниже.

– Нет необходимости в конвое, о благородный, – наконец проговорил командир. – Тебя ждут в центральной галерее Пирамиды. По счастливой случайности моему отряду приказано следовать туда же. Мы должны выступить незамедлительно. Ты, благородный, укажешь дорогу.

Шелли спустился с трапа на потертый бетон шлюза. В окружении десантников пошел к внутренним воротам, обходя дымящиеся лужи охладителя для промывки дюз. Командир махнул рукой, и створки ворот поползли в стороны. Шелли задержался, пропуская «бронзовые маски» вперед. Обернулся, бросил прощальный взгляд на «Золотой Сокол».

Кто теперь скажет, когда он снова окажется в уютной рубке космического дворца?

## 4

– Думаю, мы выбрали удивительный путь... Можно присесть?

Иерарх Лью Контон, худой и взъерошенный, стоял, покачиваясь, в дверях каюты. Ошеломленная столь внезапным высоким визитом Климентина откинула книгу и вскочила на ноги. Скрипнуло подвинутое кресло. Контон помотал головой и выставил руки ладонями вперед, призывая ее не беспокоиться. Сам же поплелся ко второму креслу. От Контонина исходил едва ощутимый горчичный запах, и Климентина поняла, что руководитель миссии только что принимал наркотики.

– Рассуди сама, – стал развивать мысль иерарх, – сегодня каждый смертный, будь-то ученый из благородного прайда... будь-то рудокopf из внесистемного пространства... всех заботит одно и то же. Поскорее бы убраться из системы Солнца! – Он хлопнул руками по подлокотникам. – До того, как оно поглотит планеты Сопряжения! До того, как Солнце, потеряв стабильность, разольется кипящей плазмой по обитаемому космосу! Если бы ты знала, сколько проектов ежедневно присылают в комитет по науке и образованию при Пермидионе! Теперь даже Партия не столько занимает головы обывателей, как научные поиски. О-о-о! Это они называют свою возню – «научные поиски». Их определение, дорогая. На самом же деле большинство из скороспелых мессий – дилетанты и чистой воды обманщики. Они ведут речь о гиперпространстве, о сингулярностях, о параллельных вселенных и кораблях-призраках, а сами не в силах представить математической модели того, как их выдумка работает. Их деятельность не только бесполезна, но и вредна в нынешнее тяжелое время. Генерируя праздную суету, они крадут время: у меня крадут время, у тебя крадут время, у Бериллии и Рэндала крадут время. А времени нет. Совсем нет. А сделать надо очень много. На две жизни хватит.

Контон посмотрел в иллюминатор. Флагманский корабль миссии висел над изрезанной «шевронами» сферой Пангеи. Где-то внизу до сих пор дымятся руины наземной станции. Дым стелется низко, гравитация на Пангее – ой-ой! – почти стандартная единица. Известно только, кто придумал этот стандарт, ведь подобных условий нет ни на одной другой луне Сопряжения, и пресловутая «единица» доставляет человеку уйму неудобств.

– Мы же движемся вопреки, – продолжил иерарх, сплетая и расплетая пальцы рук. – Они рвутся прочь, мы раскапываем корни. Нас называют слепыми романтиками, полоумными идеалистами. Обманщиками еще называют, шарлатанами. Говорят, мы выманиваем деньги из бюджета. И спускаем неизвестно куда. Пурбах... не тот, который адмирал, а тот, который в бюджетном комитете, – вообще перестал со мной здороваться. Еще говорят, будто мы крадем время у комитета по науке и образованию: я краду, ты крадешь... У них сегодня – термы и рабыни, завтра – трансляция Партии. А мы крадем время: какие-то раскопки на какой-то Пангее. Приходится вникать. Хотя – если вникнуть – есть ли смысл искать корни рода человеческого, когда вот он – горит последний закат над планетой?

Климентина молчала. Как всегда в присутствии иерарха она остро чувствовала собственную незначительность. Нет, она не теряла лицо, как, например, Бериллия, которая, случалось, от волнения не могла связать двух слов. Только все понятия для Климентины вдруг теряли привычную суть. Их форма расплывалась, словно мыльная пена по воде. Она конфузилась, старалась молчать и слушать, затаив дыхание. А если приходилось говорить, то непременно короткими фразами. Обычно Контонина это устраивало.

Устроило и теперь.

– Что ты знаешь об аккреции? Ничего? Гелиостанции на орбите Юпитерекса зафиксировали рождение газового диска возле планеты планет... Солнце избавляется от разросшейся оболочки. Сбрасывает ее, точно змея кожу. Пока – на Юпитерекс.

Климентина представила, как солнечный ветер «обдувает» заряженными частицами окрестности газового гиганта. Как плавают внешние спутники, состоящие наполовину из водяного льда. Несчастный Ганомайд, бедный Каллайсто...

– Нам повезло: между Солнцем и Центральным Сопряжением сейчас находятся Юпитерекс и Сэтан, – увлеченно рассказывал Контон, – девяносто процентов плазмы придется на их долю. Захватят магнитными полями, поглотят, впитают. Но хочу предупредить: Сопряжение ожидают значительные потрясения. Уверен, планетарных катастроф не избежать, как не избежать и появления непрогнозируемых аномалий. Кстати, гибель полевой базы на Пангее я связываю именно с солнечным выбросом. Вот так, моя дорогая Климентина! – Контон потряхнул седыми волосами. – Нам выпала честь наблюдать конец времен. И чем мы ее заслужили? Подумать страшно...

– Вы хотите что-нибудь выпить, иерарх? – несколько невпопад спросила она. Обычно бледные щеки зарделись от смущения.

Контон посмотрел на Климентину. Ей показалось, что глаза иерарха сложены из мозаичных стеклянных кусочков.

– Нет, благодарю, – ответил он. Вынул из кармана камзола-патагия шелковый платок и тщательно протер губы. А затем признался: – Я сегодня нюхал «колючку». Представляешь? Словно студиозус. Заперся в гальюне и нюхал, нюхал, нюхал... Сто лет не совершал ничего столь отвратительного, до сих пор мороз по коже... У меня ведь была мечта... Я ощущаю эйфорию, едва подумаю о том, что некоторых из вас, молодых людей, смог заразить... мечтой.

Он встал с кресла, пошатываясь, подошел к иллюминатору. Сказал, оставляя дыханием на стекле туманный след:

– На Пангее вдоволь застывших газов. Растопив их, возможно воссоздать плотную атмосферу. Гравитация планеты... да – планеты, а не планетоида, как принято называть сей удивительный объект, смогла бы удержать ее. Мы бы жили под открытым небом. Не под куполом, а под открытым небом! Представляешь? Как это, наверное, прекрасно, моя дорогая Климентина, жить под открытым небом!

– Да, иерарх. Представляю, иерарх, – поспешила согласиться Климентина.

– Наше небо стало бы нежно-голубым. Представь: ты поднимаешь глаза и видишь над собой не черноту холодного космоса, не сложную конструкцию фасеток биосферного купола, а уходящую в бесконечность бирюзу. Впервые за долгие миллионы тоскливых лет люди смогли бы покинуть стальные пещеры, душные купола, подземные норы и провонявшие тюремным смрадом Пирамиды. Мы бы вернули давным-давно утраченную свободу. Ведь свобода – это когда над головой настоящее небо.

– Я представляю, иерарх.

Контон прижался высоким лбом к иллюминатору.

– А знаешь, что бы мы сделали дальше? – спросил он глухим голосом, глядя на Пангею. – Не знаешь... Откуда?.. Я хотел изменить планету, превратить ее в мир мечты. Мы бы реконструировали магнитное поле! – Он повернулся, с вызовом взглянул на Климентину. – Грандиозно, правда? Ха-ха! Защитили бы Пангею от радиации естественным щитом. При помощи инфразвуковых излучателей я намеревался растопить внешнюю оболочку древнего ядра и сформировать течения в расплаве. Мы бы построили для человека дом, в котором он так сильно нуждался долгие годы...

Иерарх подошел к Климентине, положил ей на плечи холодные руки.

– Но тому, о чем я поведал, не суждено осуществиться – нет! – проговорил он слабым голосом; в мозаичных глазах заблестела влага. – И не мы виноваты, просто срок вышел. Что бы мы не намеревались предпринять, какие бы благие замыслы не лелеяли, какие бы добрые книги не собирались написать – время вышло! Мы уходим из этой Вселенной. Воз-

можно по ту сторону жизни нас ждет иная форма бытия... Все возможно. Но, как ученый, я полагаю, что мы просто рассыплемся атомарной пылью по диску галактики. Из элементов, слагавших наши тела, когда-нибудь образуются новые звезды.

Иерарх отступил. Климентина опустила глаза. По покрасневшим щекам потекли горячие слезы. Ей было страшно и больно смотреть, как терзается этот не совсем трезвый пожилой ученый.

– Ты ведь из бесфамильных? – вдруг спросил Контон.

Климентина кивнула.

– Ты очень красивая. И тактичная. Тебя с гордостью примет всякий прайд. Твои гены омолодят и обогатят любую благородную ветвь Сопряжения. – Он поклонился. – Я благодарю за то, что выслушала старика. Кажется, «колючка» почти выветрилась из головы. Теперь я уйду. Еще раз – низкий поклон.

– Иерарх! – окликнула Климентина Контон. – Иерарх, я должна на время покинуть Пангею. Я отправлюсь на Тифэнию. Мой друг попал в беду, – пояснила она, хотя последняя фраза далась ей через силу. Очевидно, чудак Ай-Оу не желал, чтобы о нем говорили с посторонними.

– Ты вернешься? – спросил Контон, как показалось Климентине, с тревогой. С чего бы? Она ведь – рядовой техник... Иерарх улыбнулся: – Ты знаешь, а я ведь – вампир. Твоя вера и вера других молодых людей помогает мне жить, – признался он полушутя.

– Я вернусь, иерарх! – пообещала Климентина. – Я верю, что увижу это ваше «настоящее небо».

«Белая Кайра» Климентины развернула крылья над угольными гифами уранианских колец. Их было девять. Узкие и каменистые, они едва заметно колыхались под приливным воздействием спутников газового гиганта. Вещество, из которого состояли кольца – поглощающая свет пыль и мелкие каменные обломки, – текло медленно, где-то образуя уплотнения, где-то собираясь в пологие холмы. Кольца закрывали звезды. В своей мрачной торжественности они походили на бесконечную похоронную процессию.

Климентина повернула широкий нос «Кайры» к оптическому маяку. Маяк сиял над темной долиной колец, словно сверхновая звезда. Маяк подсказывал: вот здесь заканчивается межпланетная магистраль, вон там – переход на локальную.

Пришлось потратить время, кружа в лабиринте гравитационных направляющих. Вход в локальную сеть с нептунианского направления оказался закрытым: проходил досмотр торговый караван с Нерейд. «Кайра» очутилась посреди столпотворения. Белому кораблику с черными крыльями слали приветственные сигналы грозные патрульные, одноместные прогулочные яхты благородных, сверкающие гирляндами огней лайнеры и мрачные, словно уранианские кольца, межлунные баржи; «пробки» для жителей Центрального Сопряжения – явление привычное.

На первый взгляд, в Сопряжении ничего не изменилось. На первый взгляд, эсхатологические пророчества иерарха – бред перенюхавшего «колючки» невротика. Все та же суeta и толкотня на внутренних трассах, тот же блеск и изыск развлекательных судов и те же бесконечные вереницы торговых караванов.

Лежа на боку, плывет вокруг Солнца аквамариновый шар Урании. По-прежнему вуаль метановой дымки скрывает бурные атмосферные течения. Лишь едва заметные отсветы выдают свирепствующие в глубинах газовой планеты грозы, и время от времени достают до колец разноцветные дуги полярных сияний.

Наконец, «Кайра» нащупала открытый транспортный коридор и устремилась к внешним спутникам-близнецам – Оберону и Тифэнии.

Климентина собрала волосы в тугой хвост и приникла к визору ручного управления. У нее была страсть: она обожала собственноручно вести послушную «Кайру», ощущая всем телом каждый импульс маневровых и маршевых двигателей. Плазменный выброс из дюз на мгновение озарил пыльные дорожки колец. Урания поползла прочь, уступая господство в пространстве одной из дальних лун.

– Пирамида Тэг, ответьте! – воззвала к серо-желтому полумесяцу Климентина. – «Белая Кайра» просит разрешения на посадку. Это Климентина. Прошу принять мой корабль.

Через какое-то время она повторила запрос.

Прайд Тэг молчал.

Климентина кусала губы, ее терзали дурные предчувствия. Расстояние до Тифэнии таяло. Мимо «Кайры» пронеслась многолепестковая конструкция генератора гравитационных волн, а за ним – долгая цепь реакторной батареи. Ветвь магистрали оборвалась. Климентина тут же развернула «Кайру» дюзами к луне, носом – к Урании. Затормозила маршевыми двигателями, затем опять «перевернула» корабль и с уверенностью астроника-профессионала вывела его на низкую орбиту.

– «Белая Кайра»! – услышала Климентина предельно вежливый («Автоответчик, что ли?») женский голос. – Говорит Пирамида Баттиста: прайд Тэг не ответит. Мы сожалеем. Мы готовы принять корабль и оказать гостеприимство в соответствии с вашим статусом.

Климентина закрыла лицо ладонями. «Кайра» качнула крыльями. Поняв, что хозяйка отстранилась от управления, корабль самостоятельно подкорректировал орбиту.

«Можно больше не надеяться, – беззвучно шептали апатичные голоса. – Произошло непоправимое, произошло то, чего не должно было быть; то, чего ты так боялась. Спешить на помощь не к кому».

Она всхлипнула. Не открывая глаз, принялась обыскивать карманы комбинезона. Пальцы нащупали открытую пачку бумажных салфеток.

Что же случилось с безобидным чудачком?

Под брюхом «Кайры» тянулась изрытая метеоритными кратерами поверхность Тифэнии. Ископаемый лед, лежащий на дне каньонов и ущелий, нехотя отражал звездный свет. Тянулись ввысь в тщетной попытке достать юркую «Кайру» вершины древних вулканов. Над близким горизонтом поднялась Урания, показался полумесяц далекой, но яркой Эриэли. Над кольцами Урании сияли оптические маяки, вспыхивали и гасли дюзы маршевых двигателей тяжелых кораблей.

В Сопряжении ничего не изменилось. Только прайд Тэг больше не ответит.

– «Белая Кайра»! Прайд Баттиста ожидает твоего решения, – вновь напомнила о себе Пирамида незнакомцев.

– Это «Кайра», – проговорила Климентина, комкая в кулаке мокрую салфетку. – С пре-великой... радостью и удовольствием... – она проглотила слезы, – я принимаю ваше приглашение. Надеюсь, вы прольете свет на обстоятельства, погубившие моих друзей. Я готова к приему пеленга.

– Мы будем счастливы оказать посильную помощь, – заверили Климентину. – Пирамида Баттиста расположена на северном полюсе. Радиомаяк активирован, мы ждем тебя, бесфамильная.

Красное Солнце попыталось угнаться за кораблем, но «Кайра» оказалась проворнее. Рассвет повернулся вспять, острые тени скалистых пиков расплылись, наливаясь чернотой ночи.

Был некоторый риск в том, что молодая женщина из бесфамильных принимает приглашение незнакомца прайда. В прошлом не раз случалось, что доверчивых особ удерживали насильно и пользовались ими в репродуктивных целях. И теперь ни одна благородная семья не отказалась бы от возможности обновить генетический материал. Тем более когда «воз-

можность» сама идет в руки. Каждому смертному в Сопряжении известно, что за внешним лоском прайды скрывают неминуемое вырождение. Если бы не бесфамильные – люди с корректированным генетическим кодом, – память о божках Сопряжения сохранили бы только барельефы в обезлюдевших Пирамидах.

Бесфамильные – до завидного красивы и сильны. За воротами инкубатора смысл их существования сводился к одному: вдыхать новую жизнь в пожухлый цвет благородных. Они были независимыми внепрайдовыми единицами со статусом человека, никто не имел права пользоваться ими по принуждению. Однако чем бы бесфамильным ни приходилось заниматься в дальнейшем, каким бы образом ни случалось добывать пропитание, рано или поздно заложенный *смысл* брал над ними верх.

Но Климентина полагала, что смогла бросить вызов своей природе и обрести новый *смысл* на Пангее.

Заблуждалась?.. Или все же нет?

Она спросила «Кайру» об этих Баттиста. На Тифэнии они были единственными соседями Тэгов. Послушная «Кайра» вывела информацию на летный визор.

Действительно, прайду Баттиста принадлежало северное полушарие Тифэнии (прайду Тэг – южное). Весьма многочисленное семейство, лелеющее свое Древо Рода! Кроме того, покровительством прайда пользовались почти десять тысяч человек. Баттиста производили искусственное мясо, – кормили луны Урании, и дела у них шли куда лучше, чем у Тэгов.

Вскоре Климентина увидела первый купольный городок. Над прозрачной полусферой, сложенной из кристалликов-фасеток, кружила пара легких челноков. Латали ненадежный сегмент два ремонтных многонога. Синхронно вращались решетчатые антенны радаров, разбросанные по окрестным скалам.

Продолжая путь на север, «Кайра» оставила за кормой еще два купола. На сей раз они оказались металлическими, посеребренными изморозью. Скорее всего, под полусферами скрывались генетические фабрики Баттиста. Тогда Климентина заподозрила, что, приняв приглашение, она обрекла себя на дегустацию колбас и окороков. Эта мысль привела ее в еще большее уныние.

Этого только не хватало! Однажды в отрочестве Климентина попала на генетическое производство. Быть может, она оказалось излишне впечатлительной, но зрелище ворочающихся в чанах бесформенных кровотокающих кусков надолго лишило ее желания потреблять какую-либо пищу вообще.

Затем Климентина опомнилась. Она поняла, что умышленно замусоривает себе голову ерундой. О какой колбасе может идти речь, когда целого прайда больше нет?

Копченого мяса или же обычаев гостеприимства следует опасаться в таком случае?

Огни Пирамиды прайда Баттиста затмили звезды. Вокруг широкого носа «Кайры» вспыхнул венец из бело-голубого пламени, – корабль гасил скорость, нацелившись в открытые ворота.

Бронеплита встала на место, отгородив белый корабль с черными крыльями от холода и вакуума Тифэнии. От вечных сумерек луны, на которой нынче поселилась смерть.

Климентина не без удовольствия рассталась с утепленным комбинезоном – рабочей одеждой, без которой – никак на холодной базе миссионеров Пангеи. Обтянула себя радужной дубль-кожей, сделала видимыми модные на Трайтоне татуировки. Дубль-кожа – наряд откровенный, его стоило чем-нибудь прикрыть... Например, световой накидкой. Климентина наскоро выбрала оттенок, потом заставила зеркальную голограмму трижды обернуться кругом, и в итоге осталась довольной: густой оранжевый свет скрывал детали, которые не стоило демонстрировать каждому встречному, но позволял оценить ладную фигуру.

Она сошла с аппарели и удивленно приподняла подбородок: в шлюзе звучала музыка. Протяжная мелодия, один аккорд – один такт. К электронному звучанию инструмента были



примешаны звуки живой природы: перестук капли, журчание ручьев, шелест листвы. А в воздухе пахло корицей. Причем так сильно, что совершенно не ощущались сомнительные ароматы дюзового охладителя и смазки ангарных механизмов.

Климентину встречали. Сдержанно и несколько виновато улыбалась высокая женщина средних лет. Очень красивая, почти бесфамильная, она была одета в темно-синее платье вдовы. Климентина поняла, что перед ней глава прайда. Наверняка муж погиб, и, скорее всего, в Партии. Что ж, в Сопряжении такое случается часто. Без жестокого контроля над численностью населения они бы давно исчерпали скудные ресурсы, которые можно воспроизводить под куполами на лунах газовых планет.

Слева от женщины стояли двое рослых парней. Глядя на их наряд, Климентина поняла, что не напрасно потратила время, создавая себе целомудренный образ. Оба молодых человека носили «скелетники» – нано-одежду, позволяющую рассмотреть каждую красную мышцу, каждый разноцветный орган. В некоторых уголках Сопряжения верили, что в здоровом виде внутреннего содержимого и заключена подлинная человеческая красота. Она догадалась, что в прайде мясопроизводителей разделяют это убеждение. Из традиционной одежды юноши носили лишь узкие плавки.

Для гостыи прайда Баттиста ситуация была предельно ясна: сейчас ей ненавязчиво предложат стать невестой одного из них. Парень – тот, что постарше – был ровесником Климентины, и вскоре его ожидала первая Партия. Перед тем как очутиться на «битом поле», юноше не терпелось продолжить себя при помощи какой-нибудь бесфамильной. Второй молодой человек оказался и вовсе юнцом. В отличие от старшего брата мышечную массу он нарастить не успел, поэтому в «скелетнике» чувствовал себя неловко.

Во всем был виноват идентификационный сигнал «Кайры». Корабль «выдал» хозяйку: выдал ее статус в Сопряжении, характеристики личности, даже ее портрет.

В иных обстоятельствах эти парни могли показаться ей милыми. Вырождение, по крайней мере на первый взгляд, их не коснулось.

Позади хозяйки прайда и ее сыновей стояли еще двое мужчин. Один из них был коренастым бородачом средних лет. Широкий в плечах и очень крепкий на вид, он носил простой комбинезон с металлическими вставками. Климентина рассудила, что это – либо близкий родственник, либо особо приближенное лицо – из тех, что не преминут положить одинокую женщину-иерарха под себя.

Рядом с бородачом стоял светловолосый мужчина. Свою неброскую, незапоминающуюся внешность он компенсировал за счет вычурности наряда. Этот благородный носил длиннополый сюртук-патагий с капиллярными узорами, белую сорочку с ажурным воротником, меховые панталоны, чулки оливкового цвета и кожаные туфли с пряжками. Правую руку он держал на рукояти меча, покоящегося в расшитых бисером ножнах. Климентина даже вспомнила, как такой меч называется: корд. Следом за названием меча в голову пришло имя: Хенцели. Прайд дознавателей Сопряжения.

Вот если бы светловолосый человек с незапоминающейся внешностью решил сменить яркое одеяние на обычный костюм, то с легкостью растворился бы в нем среди толпы. И не понять на глаз, кто он – то ли раб, то ли бедный благородный, коих полно в любой Пирамиде.

– Мое имя Силона Баттиста, – представилась хозяйка. – Мои сыновья: Анжело Баттиста и Энрико Баттиста.

Юноши с достоинством поклонились.

– Я – Климентина, – она склонила голову в ответ. – Я благодарна прайду Баттиста за приглашение.

– Эти двое благородных, – Силона Баттиста повернулась вполоборота к мужчинам, – Эдвин де Штарх – он занимается безопасностью Пирамиды, и Сабит, как ты, наверное, догадалась, – из прайда Хенцели.

Де Штарх поклонился молча, а Хенцели зачем-то добавил:

– Так-так! Какая своевременная встреча!

Климентина мгновенно насторожилась. Она не сомневалась, что молва не ошибается относительно длины рук самых известных в Сопряжении ищеек.

Вопреки опасениям Климентины Силона сразу перешла к делу:

– К сожалению, поводом для нашей встречи стали события трагические... Мы ошеломлены случившимся... Об этом даже трудно говорить вслух.

– Прошу вас, о благородная! Я ведь ничего не знаю! – взмолилась Климентина.

– Я оказался на месте в числе первых, – проговорил де Штарх гулким басом. – Я и дежурная команда спасателей прайда Баттиста. Сигнал бедствия Пирамиды Тэг пришел к нам с большим запозданием. Если ты помнишь, мы – на северном полюсе, а они – на южном. По невыясненной до сих пор причине отключилась система спутников-ретрансляторов. Когда мы прибыли, было уже слишком поздно.

– Все погибли? – спросила Климентина. Она изо всех сил пыталась сдержать слезы.

– За исключением одной пожилой женщины – все, – де Штарх опустил голову. Было видно, что и ему нелегко сообщать горькие известия. – Мы опечатали Пирамиду, залили то, что от нее осталось, водой, как поступают в подобных случаях.

Климентина кивнула: когда сердце прайда мертво, оно превращается в ледяной монумент. Так делают всегда, с диких времен, когда прайды боролись за выживание и гибли едва ли не каждый день.

Сабит Хенцели снова отвесил полупоклон.

– По требованию Пермидиона я прибыл на Тифэнию вести официальное расследование инцидента, – отрекомендовался он. – Возможно, с твоей помощью... э... Климентина, мне удастся прояснить некоторые обстоятельства трагедии.

– Возможно... – без энтузиазма согласилась Климентина.

– Мапочка, на нашей гостье лица нет! – обратился к Силоне ее старший сын. На самом деле, лица не было на нем самом: «скелетник» в этот миг демонстрировал Климентине прекрасно развитые лобные доли мозга своего носителя.

– Ах, какой ты внимательный, Анжело! – с довольным видом согласилась Силона Баттиста. – Климентина, я предлагаю пойти всем в каминный зал и продолжить беседу за вином и легкими закусками.

– Но, будьте любезны, скажите, кто же выжил? – в нетерпении всплеснула руками Климентина.

– Женщина, – повторил де Штарх. – Она воспитывала молодого Ай-Оу Тэга, когда тот был ребенком.

– Матушка Хатшипсут! – Глаза Климентины вспыхнули. – О благородные! Могу ли я увидеть ее?

– Матушка Хатшипсут... – Хенцели тяжело вздохнул и погладил бороду. – Она серьезно ранена, Климентина. Как говорится, пострадала и телом, и рассудком. Медики Баттиста не рекомендуют тревожить несчастную. Я пробовал беседовать с ней, но убедился, что – увы! – эта затея бессмысленна.

– Бедная матушка Хатшипсут! – Климентина стряхнула повисшие на ресницах слезы.

– Вина! Вина сюда! – быстро сориентировался младший сын Силоны Баттиста – щуплый Энрико.

Подбежал расторопный раб, Климентина приняла холодный кубок и поспешила сделать несколько глотков.

– И все-таки позвольте мне сначала увидеться с матушкой, – попросила она отдышавшись. – Быть может, встреча со мной... – Климентина не договорила. Действительно, с чего она взяла, что своим появлением хоть как-то облегчит страдания несчастной? Она ведь

не родственница Хатшипсут. И не медик, и не психолог. Ей бы сейчас тоже не помешала помощь какого-нибудь специалиста.

Силона Баттиста вопросительно поглядела на Эдвина де Штарха и Хенцели.

– Я покажу дорогу, – неуверенно предложил атлет Анжело.

– Нет, – отрезала Силона, – Эдвин?

– Твоя воля. – Бородач шагнул к Климентине. – Вреда это не принесет, но и пользы ждать не стоит. Климентина, я должен предупредить: в результате декомпрессии эта женщина лишилась глаз и барабанных перепонок. Сейчас она слепа и глуха...

Климентина охнула, прижала руки к груди.

– Кроме того, у нее повреждены легкие, так что говорить ей непросто.

– Если не возражаете, я составлю вам компанию, – попросил Хенцели. При этом он подмигнул Климентине. Без сомнения, дознаватель не нуждался в чьих-либо позволениях и одобрениях.

– Благодные, мы договорились! – подытожила Силона. – В таком случае я вместе с сыновьями подготовлю каминный зал. Анжело! Энрико! В путь, мои сладкие!

## 5

В главной галерее Пирамиды Бейтмани они никого не встретили.

Шелли постоял под высоким стрельчатым сводом, наслаждаясь изысканными ароматами, – те лились из расставленных вдоль высоких стен медных жаровен. Шалфей, лаванда, чабрец, теплый мед... Шелли закрыл глаза и представил, что он сидит на песчаном берегу безмятежного озера. Снаружи – лютый мороз Трайтона; кипит, покрываясь налетом белых аммиачных облаков, синяя Нептуния. Мимо проносятся кометы. А под куполом умиротворение и благодать: стрекочут цикады, порхают над водой разноцветные птицы. Через прозрачные фасетки искусственного небосвода на оазис с завистью глядят холодные звезды...

Командир отряда десантников позвал Шелли. В ответ на немой вопрос благородного указал кадуцеем под ноги. На мраморной облицовке пола, среди небрежно сдвинутых циновок валялись листы. Большие листы, вынутые из альбома для рисования. Почти все – изрисованы цветными мелками. Шелли сразу догадался, чья здесь поработала рука, поэтому, не церемонясь, оттолкнул десантника и собрал рисунки, – нечего незванным чужакам топтать их в нелепой суматохе.

– Похоже, в Пирамиде мирно, благородный, – обратился к нему командир.

Шелли поморщился:

– А вы ожидали горячую смолу на головы?

Как только он это произнес, под сводом галереи зазвучал струнный перебор. Шелли и командир переглянулись: не могло такого быть, чтобы в сердце Пирамиды не оказалось ни души! Обманчивая акустика просторного помещения сбивала с толку. Шелли заметался: он заглянул в один проход, затем в другой – от ствола галереи ответвлялось множество коридоров. В конце концов, он оказался на пороге зала, погруженного в непривычное для глаз, сиреневое свечение плавающих бра.

Там стояло низкое полукресло. В полукресле сидела, подобрав ноги, маленькая девочка в черном платье. На коленях она держала сангиту. На детских стульях, расставленных вокруг полукресла, восседали, демонстрируя разнообразие поз, мягкие игрушки.

– Кассандра! – окликнул девочку Шелли.

Девочка подняла бледное лицо. В светло-голубых, льдистых глазах мелькнуло облегчение: она узнала друга прайда и частого гостя Пирамиды. Прошли, правда, те времена, когда он и в самом деле был частым гостем... Из-за спинок стульев показались морды игрушечных зверей: сверкая бусинками глаз, Шелли изучали давно вымершие медведи, рогатые олени, ныне здравствующие кролики и мыши. Коричневый олень неуверенно поднял ногу и помахал Шелли копытом.

За спиной Шелли раздались гулкие шаги, и девочка снова опустила голову, едва не зарывшись курносый носом в серебро струн. Игрушки дружно ойкнули и забормотали что-то тревожное: в зал вошел, зацепившись при этом копьём за дверной брус, десантник. Вошел и застыл в замешательстве.

Указательный палец, украшенный кольцом в виде змейки с рубиновыми глазками, вновь скользнул по струнам. Под сводом зала повис тусклый минорный аккорд.

– Ничего не бойся, Кассандра, – обратился к девочке Шелли. Он подошел ближе и положил найденные в галерее рисунки на стул, рядом с оранжевым крокодилом, который догадался подвинуться. – Скоро эти люди уйдут, и ты продолжишь свои занятия.

Девочка не ответила: заскользила по грифу тоненькими пальцами. Она играла гаммы с механической точностью, надув от напряжения губки.

– Ты стала настоящим музыкантом, Кассандра. Такая взрослая...

Из галереи донесся голос командира:

– О благородный! Поступил новый приказ: взвод следует к верфи. Нас ждут на административном уровне. Ты покажешь дорогу? – Десантник заполнил собой проем двери. Бронзовая маска с застывшими капельками слез просканировала зал.

– Дитя не пострадало?

– На ваше счастье – нет, – ответил Шелли и попятился к выходу.

Ода! Он мог показать им дорогу!

Мимо колонн и стен с барельефами и горельефами, через пустые залы, где томились в жаровнях благовония, на открытую платформу подъемника, а затем вниз – в глубь Седны. Иногда им встречались люди: это были либо рабы, либо слуги. Они с опаской поднимались на верхние уровни Пирамиды, долг заставлял их вернуться к повседневным обязанностям. И те, и другие отвешивали мелкие сухие поклоны и спешили убраться с пути грохочущего железом отряда.

Интересно, кто из них позабыл увести маленькую Кассандру на безопасные подземные горизонты?

Полетят нерадивые головы, видит Солнце, обязательно полетят.

Вдоль тоннеля монорельса дул сырой ветер. Округлый свод облюбовали жмущиеся друг к другу биоэлектрические светляки. Из тоннеля пахло машинным маслом, а от светляков – ненавязчивой химией. Десантники организованно заняли вагон, вытеснив наружу двух ошеломленных рабов. Перед этим – само собой – они минимизировали копья, превратив их в остроконечные, тяжелые дубинки. Шелли прижали к боковой панели: было тесно, ни вдохнуть. У уха жужжал сервомеханизмами доспехов великан-десантник. Шелли потянулся и нащупал кончиками пальцев сенсорную панель. Вагон сейчас же нырнул во тьму тоннеля.

Промелькнула одна станция, затем вторая. На третьей они вышли. Десантники на всякий случай построились в каре. Шелли лишь пожал плечами и указал на пологие ступени лестницы.

– Сразу за воротами – административный уровень.

Действительно, не было резона продолжать военные игры. Офисы верфи оказались занятыми другим взводом. Или даже несколькими взводами. Бейтмани сопротивляться – увы! – не пожелали, поэтому воякам оставалось лишь приветствовать друг друга, сотрясая копьями. Шелли краем уха услышал, что некоторые подразделения во избежание столпотворения получили приказ погрузиться на «дельты» и отбыть на крейсера.

– Где именно меня ждут? – спросил Шелли, едва поняв, что десантники увлеклись обменом любезностями («статус?.. потери?.. директивы?..») и о нем вот-вот попросту забудут.

– Тебе приказано явиться в рабочие апартаменты иерарха, – ответил командир после непродолжительной заминки. – Ты знаешь дорогу? Мы получили разрешение не сопровождать.

Шелли кивнул и принялся проталкиваться в нужную сторону.

Отголоски катастрофы, произошедшей на поверхности планетоида, достигли глубины административного уровня: под подошвами ботинок скрипела бетонная крошка и битое стекло, смердело горелым пластиком. Испуганные рабы в грязных робах что-то чинили, мели полы, оттирали копать с барельефов.

Он протиснулся между двумя десанниками, охранявшими вход в апартаменты Бейтмани, – те не проронили ни слова, – толкнул высокую дверь...

«Предатель! Ренегат! – стучало в его несчастной голове. – Злодей!»

Брут расхохотался, увидев на лице Шелли скорбное выражение. Сам молодой иерарх, как ни в чем не бывало, сидел в кресле, обложившись атласными подушками, в руке он держал фужер с янтарным вином.

В этом весь Брут. Брут, не сбиваемый с ног.

Шелли покраснел от гнева. Он-то боялся, что Брут ползает по полу с залитой кровью физиономией!

В первый миг у него отлегло от сердца, но затем Шелли понял, что Брута не тронули, лишь проявив уважение к сословным традициям. Ведь и Шелли не скрутили и не упрятали в тюремный трюм ближайшей «дельты». Если Брут сидит в кресле и смакует вино, это не означает, что он по-прежнему волен распоряжаться своей судьбой.

Шелли настороженно поглядел на Огра Мейду. Отчаянно молодящийся старик, высокий и мощный, дышащий здоровьем и излучающий желание ежесекундно хамить, лежал на гостевом ложе. Мейда носил ярко-красную тогу-патагий. Его жирные, бугристые ноги были вызывающе обтянуты черными чулками. Естественно, согласно последней моде трайтонской молодежи.

Они обменялись кивками. Шелли глядел на своего родича с неприязнью и опаской. Родич же был надменен и несколько развязен.

Еще один сухой кивок – седоусому вояке в доспехе десантника.

На круглом столике возвышался ординарный, безликий солдатский шлем. Его владелец без стеснения сидел на ковре, у гостевого ложа. Одной рукой в кольчужной перчатке он копался в вазе с хрустящими сладостями, а второй не забывал подносить к губам позолоченный кубок с вином. На левой щеке десантника Шелли разглядел причудливую татуировку – череп древнего млекопитающего с лихо закрученными рогами.

Клеймо Козо! Символ самого воинственного прайда Сопряжения!

Шелли невольно сглотнул. Трайтонских детей до сих пор пугали Ником Козо – искалеченной в боях человекомашиной, прожившей более четырехсот лет и, в конечном счете, отказавшейся от человеческой еды и воды, полностью перейдя на энергию изотопных элементов питания. Говорили, что таким образом Ник Козо мог бы существовать бесконечно долго, и даже стать свидетелем превращения Солнца в неприглядный белый карлик. Мог бы... Вот только гордый прайд не согласился до скончания времен терпеть диктат бессмертной человекоподобной машины со скверным нравом. По слухам, после нескольких неудавшихся покушений Ника Козо удалось-таки обесточить кому-то из ближайших родственников.

На доспехах Козо Шелли не увидел знаков отличия, однако и младенец бы догадался, что этот седовласый муж стоит во главе совокупной мощи десантных подразделений «Эккалибура» и «Дюрандаля».

Итак, в апартаментах Брута находились двое членов Пермидиона: два немолодых, всецело уверенных в своих правах, и более того – в своей безусловной правоте, трайтонских божка. И хоть были они абсолютно разными: первый всю жизнь ходил строевым шагом, громяхая доспехами, второй же являлся типичным болтом средней значимости в бюрократической машине Сопряжения, оба они чувствовали себя на Седне как дома. Они везде чувствовали себя как дома: на любой из лун четырех газовых планет, на каждом из дюжины самостоятельных внесистемных планетоидов – маленькие боги большого космоса людей.

– Присаживайся-присаживайся, юноша! – с показным радушием проговорил Огр Мейда. – Вкуси, как молвится, гостеприимства славных Бейтмани! Когда еще блеснет Золотая Удача и мы побываем на Седне?

Брут перестал посмеиваться, протер мизинцем уголок рта. Молча проследил за тем, как Шелли выбирает кресло из трех свободных, как выдвигает его на середину апартаментов. Брут держался не хуже незваных гостей, – иерарх до мозга костей. Только молодость, фанатичная увлеченность сверхбольшими кораблями и полное безразличие к политике закрывали ему дорогу в Пермидион. К тому же на Трайтоне всегда смотрели на «внесистемников» сверху вниз, – точно на бедных родственников из провинции.

– Значит, именно этот благородный молодой человек с очень приятной наружностью оповестил нас о заговоре вероломных плутониан? – обратился к Мейде Козо.

– Этот-этот... – Огр с удовольствием почесал поясницу. – Айвен Шелли собственной персоной! Очевидно, он пронюхал о том, что я следую с инспекторской миссией во внесистемное пространство. И решил разделаться со мной, вступив в сговор с плутонианскими тиранами и прайдом Бейтмани, которые, в свою очередь, вступили в сговор друг с другом.

– Брут, – начал, запинаясь, Шелли, – я даже не знаю, что тебе сказать...

Брут отмахнулся.

– Не я твоя забота, а они! – Бейтмани указал фужером на Огра и Козо. – Еще вина, благородные?

– Это – Айвен Шелли, – благодушно отрекомендовал внука Огр Мейда. – Печально известный на Трайтоне интриган и бузотер. Знаешь, Алексис, он не единожды заявлял, что намерен меня убить. Да, именно так, – лишить жизни человека, являющегося ему в какой-то степени...гм... родственником.

Козо приподнял седые брови в искреннем изумлении. Огр же пригубил фужер, посмаковал вино и с вызовом поглядел на Шелли.

– Он уклоняется от участия в Партии, – принялся загибать толстые пальцы Инспектор, – во всеуслышание заявляет о бессмысленности ритуальной войны. Подумать только, Алексис! Мы ведем эту войну на протяжении тысячелетий, льем кровь, гибнем... и ради чего? Ради того, чтобы новое поколение благородных обладало Золотой Удачей, ведь ее нам так не хватало! И вдруг отыскивается юнец, который, не краснея, заявляет, что вокруг него одни пустоголовы, и только он – умный. И ради немеркнувшего света Солнца, не унижай нас попытками оправдаться! – посоветовал он молодому благородному.

– С чего ты взял, что я собираюсь оправдываться? – надменно спросил Шелли. Кто не знает, что Золотая Удача давным-давно косо глядит на прайд Мейды? Даже Пирамиду дедушка Огр не в силах достроить. Так и стоит Пирамида, прозванная Ломаной, в тени дворца Пермидиона, портя своим видом столичный пейзаж.

– Хамит... – вздохнул Огр Мейда. – Слиzystое выделение...

Старый воин постучал металлическим пальцем по полу.

– Уклонение от Партии – серьезный проступок, молодой человек! – прогудел он строго. – Каждый мужчина обязан хотя бы раз побывать в ритуальном бою. Война закаляет, поверь мне. Прайды подчиняются закаленным мужам, прошедшим через «битые поля». Тебе нужно воочию увидеть, где проходит граница между жизнью и смертью. И не стоит забывать о Золотой Удаче, благородный!

Шелли виновато улыбнулся и развел руками. Всем стало ясно, что у него – особый взгляд на традиции Сопряжения.

– И в самом деле – авантюрист! – вынес вердикт Алексис Козо. Он поставил кубок на ковер и взмахнул рукой. – Ко мне, брат по оружию!

В апартаменты вошел десантник. К груди боец прижимал два цилиндрических контейнера с ребристыми боками. На вид контейнеры были нетяжелыми. Десантник взгромоздил ношу на столик возле шлема старого Козо и отсалютовал кадуцеєм.

– Известно ли тебе, что это? – спросил Козо у Шелли после того, как отпустил своего человека.

Шелли покачал головой.

– Похоже на пищевые термосы. В таких подают горячий суп рабам на рудных разработках.

– Это – груз, который пытались доставить плутониане на Седну, – пояснил Козо. – Предположительно, для дальнейшей его транспортировки на ковчеге благородного Брута. К какой звезде, кстати, должен был отправиться ковчег?

– К Ахернару, – охотно ответил Брут. – Согласно данным внесистемных астролабораторий, на первой планете...

«Догадываюсь, сведениями каких астролабораторий ты располагаешь, – подумалось Шелли. – Наверняка Ай-Оу вдохновил тебя. Чудак Ай-Оу».

– Это не суть важно! – прервал Брута Козо. – Огр, покажи, будь любезен, что именно благородный иерарх Бейтмани намеревался отправить к этому Ахернару.

Огр Мейда хмыкнул и провел широкой ладонью над обоими «термосами». Шелли, предчувствуя недоброе, стал смотреть, как в воздухе созревают и наполняются информацией два голографических шара.

Брут поджал губы и откинулся на спинку кресла. Босая нога в новенькой сандалиии принялась нервно покачиваться.

«Осторожно! Ценный груз», – прочитал Шелли текст внутри шара: «Мозг мужской. Биологический возраст – 16,4. Масса – 1300. Объем памяти – 24,5 терро. Активность синапсов – 2,38. Проводимость нервных путей – 341. Инсталляции: общеобразовательный базис, технология плазменной сварки металлов и сплавов плавлением. Внимание! Избегать физических повреждений и воздействия жесткого излучения».

Шелли бросил быстрый взгляд на Брута, затем вернулся к голограммам. Внутри второго шара оказался текст схожего содержания.

«Осторожно! Ценный груз. Мозг женский. Биологический возраст – 32,1. Масса – 1280. Объем памяти – 22,2 терро. Активность синапсов – 2,4. Проводимость нервных путей – 349. Инсталляции: общеобразовательный базис, специальный: физика – пространственная оптика, дополнительный: подвижные игры с мячом. Внимание! Избегать...»

– Я не совсем понимаю... – Шелли, сам того не желая, захлопал глазами. Огр Мейда глубокомысленно усмехнулся. Он раскраснелся. Было видно, что Инспектору в голову ударило славное вино Бейтмани. Алексис Козо сохранял спокойствие. Брут же старательно отводил глаза.

– Благородный! – обратился к хозяину верфи Алексис Козо. – Попрошу объясниться с другом!

Брут вздохнул, поставил фужер на подлокотник.

– Если вы желаете... – Он прочистил горло, поерзал. Затем начал с видом обреченного на непонимание гения: – Благородные! Наверняка каждый из вас слышал о кораблях-ковчеге. Их строим мы, строят еще Фагау на Эриэле и Лирои на Дионе. Но, благородные! Кто ответит, сколько человек способен вместить ковчег, учитывая, что расстояние до цели измеряется световыми годами, а время полета – тысячелетиями? Сколько: сто человек? пятьдесят? десять?

Шелли пожал плечами. Это движение повторили Огр Мейда и Алексис Козо.

– Какая инфраструктура необходима? – продолжал Брут. – Не знаете, верно? Возможно ли сотворить самодостаточную биосферу в одном большом корабле, когда даже купола и Пирамиды на планетоидах Сопряжения время от времени испытывают нехватку тех или иных ресурсов? Сегодня Оберону грозит голод, а на Энцеладе не восстанавливается атмосфера...

– Но позволь! – возмутился Огр Мейда. – На Обероне нет голода! Нам было бы об этом известно!

– Мы и по сей день сталкиваемся с непредвиденным! – возразил Брут. – Сегодня на Обероне нет голода, ты прав, Мейда, но тысячу сто лет назад уранианские луны едва не обезлюдели из-за забастовки гравитационщиков на Транзитном кольце... Помните? Надеюсь, никто не станет спорить с тем, что главное условие существования нашей цивилизации, основа Сопряжения – это взаимопомощь прайдов, верно?

– Верно, – обронил Алексис Козо. – Хоть ты и не бывал в Партии, но говоришь дело.



Огр Мейда фыркнул и занялся подтягиванием чулок.

– И вот там, – Брут ткнул пальцем в потолок, – абсолютная изоляция. Абсолютная, благородные! Именно поэтому молчат посланные к звездам ковчегу. Они мертвы, благородные. На данный момент, – Брут хлопнул ладонью по подлокотнику, едва не сбросив при этом фужер, – задача доставить к другим звездам живых людей невыполнима.

– И ты решил загрузить ковчег свежеморожеными мозгами! – Мейда присвистнул. – Более чудовищного преступления Сопражение не знало! Душегуб! Прайды придут в ужас! – заорал он.

Шелли тоже стало не по себе. Ощутимо кольнула совесть: он-то до сих пор полагал, что его друг – упрямый, простодушный трудяга, который пытается «достать» до звезд самым консервативным способом из существующих. А на самом деле Брут, двигаясь в выбранном направлении, выстраивал комбинации куда более дерзкие, чем «телепат» Ай-Оу или же он – Шелли, охотник за космическими призраками.

– Два года назад я посетил Трайтон и ознакомил профильный комитет Пермидиона с проектом. – Шелли понял, что Брут сейчас говорит только для него. – Суть проекта проста, метод эффективен, хотя многие посчитали его нетрадиционным...

Огр Мейда крикнул в знак согласия.

– К моему разочарованию, – продолжил Брут, – за предложение ухватились лишь плуто-нианские тираны. Тем самым они продемонстрировали, что не только отважны, но и дальновидны. Представьте: в глубокий космос отправляются два ковчегу...

Алмазная люстра погасла, повинувшись хлопку в ладоши; апартаменты незамедлительно погрузились в сумрак. Лазерные проекторы, замаскированные под потолок среди гипсовой лепнины, принялись строить голограммы двух кораблей сферической формы.

– На борту первого – пассажиры, десять человек, введенные в состояние гиперсна. – Брут поднялся на ноги. – Вот здесь и здесь, – вместо указки он использовал фужер, – необходимое для колонизации нового мира; все, что может пригодиться на различных этапах. Но главное вот – это фабрика для создания генетических репликантов.

– Клонов тех десяти несчастных, что в гиперсне? – спросил Огр Мейда, гримасничая. С фужера Брута сорвалась капля и угодила Инспектору на щеку; тот старался, но никак не мог достать ее коротким красным языком.

– Нет, – отрезал Брут, – клонов тех несчастных ста тысяч, что по вашей воле протаранили мою верфь.

Огр и Козо переглянулись.

– И не клоны они вовсе. А генетические роботы, вроде наших бесфамильных. Вы же ничего не имеете против бесфамильных девочек? Так ведь, благородные?

«Напрасно Брут позволяет себе саркастический тон, – подумал Шелли. – Вот как сияют глаза дедушки Огра! Такому дай повод! Станешь достраивать Ломаную Пирамиду за счет своего прайда, чтобы только от него отделаться».

– Сто тысяч – действительно чудовищная потеря, – обескураженно проговорил Козо. – Ста тысяч с лихвой хватило бы для основания жизнеспособного поселения даже на негостеприимной планете.

– Второй ковчег загружен... как выразился благородный Инспектор – «свежеморожеными мозгами». Транспортировать их куда легче, чем людей, помещенных в капсулы. Да и современная криогеника обещает условное бессмертие и полное сохранение информации на биологическом носителе памяти. Используя всего один корабль, мы могли бы перевезти к Ахернару не группку энтузиастов, а целый город. Кстати, вот здесь, – Брут проткнул фужером борт «Ковчегу-2», – расположена резервная генетическая фабрика...

– Насколько мы поняли, благородный, – Огр Мейда подался вперед, едва не свалившись с ложа, – тела гипотетических колонистов будут воссозданы на первом ковчеге, а, простите, «мозги» повезет второй?

– Достигнув точки назначения, ковчегисты состыкуются и образуют единый комплекс. К моменту прибытия предполагалось разбудить тех, кто до сих пор спал и видел сны, – пояснил Брут. – Эти десятеро действовали бы по обстоятельствам: либо управляли посадкой комплекса и затем, уже на планете, инициировали производство репликантов, либо активировали фабрику в космосе... Кстати, десятеро включены в проект исключительно в качестве элемента страховки на последней фазе. Мой проект построен на взаимозаменяемых структурах, и если какой-то компонент вдруг окажется выведенным из схемы, на общем успехе миссии это не отразится. При условии, конечно, что системы ковчегистов будут функционировать. Ковчегисты прайда Бейтмани, с гордостью говорю вам, способны самостоятельно контролировать все процессы: как внешние – посадку на ксенопланету, так и внутренние – операции по трансплантации мозга...

– Жуть! – высказался Огр. – Невиданная жуть! У меня мурашки по коже! – Он вытянул обтянутую черным шелком ногу в сторону Шелли. – Как вы понимаете, – воззвал к слушателям Брут, – мозг репликанта чист! «Чистая доска». Его необходимо изъять и заменить информационным носителем оригинала...

– «Носителем»? Ты слышишь, Алексис? – скривился Инспектор. – Высшая степень цинизма!

– Но постойте, благородные! По-вашему, гуманней было бы отправить в космос очередной «корабль поколений» с действующим экипажем?! Гуманней, я вас спрашиваю? До сих пор никто не знает, с какими трудностями придется столкнуться и какие неудобства испытать через десять-двенадцать лет пути! Согласились бы вы отправиться в добровольное заключение, зная, что оно – пожизненно? Зная, что ни вы не достигнете места назначения, ни ваши внуки, ни даже прапраправнуки не достигнут?

– Мы все живем в заключении, – возразил рассудительный Алексис Козо, – нам кажется, что мы свободны, но на самом деле люди – экипаж одного «корабля поколений». И продолжительность нашего полета зависит от того, как скоро погаснет Солнце или иссякнет водяной лед на Пангее. Это знали наши отцы, знали прадеды... Делая скидку на твою молодость, иерарх Бейтмани, могу предположить, что ты решил разрубить узел из лучших побуждений, но не очень честным способом. Жаль все-таки, что ты – не «партиец»...

Шелли только и успевал вращать головой, внимая диспуту: благородные вошли в азарт, а вино развязало им языки.

– Неслыханная дерзость! – вопил Огр Мейда.

– Ну почему?! Почему ты просто не погрузил экипаж в гиперсон? – воскликнул увлеченный спором Шелли. – Такой вариант наверняка рассматривали?

– Действительно, рассматривали. И что с того? В лучшем случае мы бы имели аванпост в окрестностях Ахернара, а не полноценную колонию. В лучшем случае – аванпост. Да и как, по-твоему, эвакуировать людей из системы? По десять, по сто человек?

Огр Мейда и Алексис Козо опять – в который раз! – переглянулись.

– Если так, то для строительства флота ковчегистов не хватило бы и сводного бюджета Сопряжения! – Брут промочил горло вином, откашлялся в кулак и продолжил, нацелив указательный перст на Шелли. – А на другой чаше весов, друг, находился мой проект. В случае успеха мы бы имели один спасенный город! Один, если угодно, прайд! – Брут поднял ладони и принялся быстро-быстро перебирать в воздухе пальцами, словно паучок, ткущий липкую нить. – Представь! Этих людей много, они успешно осваивают новые территории... Представь-представь! Вдоволь специалистов в самых разных областях, они смелы и решительны...

– Не знаю... гм... не знаю, – пожал металлическими плечами Алексис Козо, – я всегда был уверен, что отвага – качество индивидуальное, а не коллективное. А ты как думаешь, Огр?

– У меня, Алексис, свои весы. Я размышляю о том, какое преступление считать более тяжким: контрабанду человеческих органов или сделку с экстремистами... – продолжал гнуть свою линию Огр. – Может, ты подскажешь, любезный Айвен?

– Какие экстремисты?! – не выдержал Брут. – Потрудись корректно формулировать обвинения, благородный! Тиран Ласка – официальный представитель Плутонии во внесистемном пространстве... был им, пока его не убили... И планета, насколько мне известно, не вышла из состава Сопряжения. Следовательно, я заключил контракт с Сопряжением, а не с экстремистами. Пермидион подтвердит мои слова! А то, что на Плутонии вчерашний государственный чиновник становится бандитом и наоборот, – так виноват в том Трайтон, столица виновата, Совет, в котором вы заседаете! Но никак не мой прайд!

– Молодец, Брут! – поддержал друга Шелли.

Огр Мейда завздохнул, закричал. Наконец, ему удалось сесть.

– Алексис, могу я выслушать твои соображения? Как глава службы транспортной безопасности Сопряжения и как Инспектор внесистемных магистралей, я не могу просто так закрыть глаза на эти трагические события. Честь благородного жаждет покарать виновных!

Пришла очередь Шелли и Бруту обменяться взглядами.

Козо погрузился в размышления. Его палец с механической размеренностью помещивал в вазе хрустящие сладости.

– Верно! У меня есть соображения, – сказал он через минуту. – Соображение первое – не стоит казнить главу прайда в тени его Пирамиды. Мы ведь не плутонианские тираны. Соображение второе – дело наше столь щекотливое, что рассматривать его должен Пермидион. Соображение третье – необходимо тотчас мобилизовать людей и спасти остатки плутонианского груза. Собрать все неповрежденные криокапсулы. Соображение четвертое – нам, так или иначе, придется задержаться на Седне до тех пор, пока твои подчиненные, Огр, не восстановят внесистемную сеть. Я полагаю, мы могли бы воспользоваться гостеприимством прайда Бейтмани.

Брут кивнул:

– Моя Пирамида к вашим услугам.

– Надеюсь, ты понимаешь, что потом придется лететь на Трайтон? – спросил Козо.

– Это приемлемо. Более того, мне нужно попасть в столицу, – сказал Брут и пояснил: – Буду искать средства на строительство «Ковчега-3».

– Но зачем? – изумился Огр Мейда.

– Вы ведь не хотите, чтоб эти люди, – он указал на контейнеры; над ними все еще кружились голографические шары, – навсегда разминутись со своими телами?

– Нет! – отрезал Алексис Козо. – Не вздумай! Это мой тебе отеческий совет. Репликантов плутониан разрешат вырастить и здесь, в местных инкубаторах, – так будет надежнее. Затем проект закроется. Да-да, думаю, со мной согласятся остальные члены Пермидиона.

От смуглого лица Брута отхлынула кровь.

– Алексис, казним хотя бы Шелли! – предложил Огр Мейда. – Ты же видел, сколь нагло он проигнорировал требования достойного адмирала Пурбаха и не вступил в бой на нашей стороне?

– Огр, кровожадность выдает в тебе человека, далекого от военного ремесла, – по-дружески пожурил Инспектора Козо.

– Далекого?! Да я в Партию вступал! – надул щеки Огр Мейда. – Я ходы делал! Я в боях участвовал!

– Меня гложет любопытство, благородный Шелли, – вдруг сменил тему Алексис Козо, – как ты узнал о готовящемся смещении Плутонии и походе боевых кораблей? Очень хочется понять, любезный друг, очень.

Шелли уставился на носки ботинок.

Уж лучше молчать. Лучше прослыть упрямым и тугодумом, нежели раскрыть кому-либо правду о «Страннике».

Козо и Огр Мейда ждали ответа. Козо хмурил седые брови и задумчиво вращал вазу с хрустящими сладостями. Огр сидел, скрестив на широкой груди руки.

Нет, даже если он рискнет раскрыть секрет, трайтонские божки не поверят ни одному слову. Они примут его за обманщика или за сумасшедшего. За такого же сумасшедшего, каким он сам считает Ай-Оу.

Ай-Оу... Интересно, вернулся ли ты из воображаемого круиза, опальный друг?

## 6

– Позволь спросить, что тебя связывает с прайдом Тэг? – спросил Климентину Хенцели.

Дознаватель шагал, как на параде, – высоко подняв подбородок и выгнув спину до неестественности. В его движениях, присмотревшись, можно было заметить тщательно замаскированную грацию опытного фехтовальщика. Шуршало вычурное одеяние, ритмично поскрипывала кожей перевязь с мечом.

Эдвин де Штарх вел их через лабиринт узких, экономно освещенных коридоров. Бородач «катился» вперед, словно пушечное ядро: налитый силой, круглый мышечный ком. За каждым новым поворотом запах больницы становился более отчетливым. Климентина зябко ежилась и бледнела все сильнее. Ей чудилось, что сквозь мерцающие стены в коридор просачиваются стенания прикованных к медицинским ложам несчастных с лопнувшими глазами и порванными барабанными перепонками.

– Мы испытывали друг к другу глубокую дружескую привязанность, – без особой охоты ответила Климентина дознавателю.

– Мы? – На лице любопытного Хенцели было написано, что он не успокоится, пока не выпьет из бесфамильной все соки.

– Ай-Оу из прайда Тэг, Брут из прайда Бейтмани, Айвен из прайда Шелли и я – бесфамильная, – пояснила Климентина отстраненным голосом; приходилось тратить силы, чтобы не поверить в реальность очередной галлюцинации и не поддаться ей.

«Климентина! – хрипели прикованные к ложам калеки. – Здесь ночь... всегда... ночь... – Пустые глазницы тщетно пытались разглядеть ее среди тьмы вечной ночи. – Время диюдархов, Ен-Ти!»

– Как же возникло столь высокое чувство? – продолжал утолять любопытство Хенцели, не обращая внимания на страдания собеседницы. – Насколько мне известно, живете вы в разных областях Сопряжения. Вы не одногодки, соответственно не имеете родственной связи, подобной той, что испытывают друг к другу созревающие в одном инкубаторе. У вас разные специализации и неравный социальный статус.

– Это действительно так, благородный, – согласилась Климентина, невольно опираясь на руку дознавателя. – Наши эмбрионы созрели в разных инкубаторах и в разное время. Пять лет назад судьба свела нас вместе. Мы были задействованы в дерзком астроинженерном проекте... Проект оказался пустышкой. Тем не менее он сплотил нас навеки.

– О! В самом деле? Расскажи поподробнее! – Хенцели жаждал продолжения.

– Комитет по науке выделил средства исследовательской группе. Необходимо было выяснить, возможно ли совершить гравитационный маневр вокруг Солнца на астероиде, оборудованном биосферным куполом и солнечными парусами.

– Как претенциозно!.. – не удержался от восклицания дознаватель. – На что только уходят бюджетные средства!

– Я, Ай-Оу, Шелли и Брут – мы действительно отличаемся друг от друга и происхождением, и образом мышления. Однако существовал общий интерес – мы пытались найти способ покинуть систему Солнца. Мы хотели спасти человечество от уготованной ему участи.

– Ха! – вмешался Эдвин де Штарх. – Вот уж удивила! Сегодня миллионы молодых людей заняты в самых разных научных миссиях. За исключением... ха-ха!

«За исключением благородных Анжело и Энрико Баттиста», – мысленно закончила Климентина.

– И к чему привел ваш смелый эксперимент? – не унимался Хенцели.

– Ах, если бы он к чему-то привел, ты бы об этом несомненно знал! – отмахнулась Климентина.

– И все-таки?

Климентина нахмурилась. Анализируя провал – тогда, давным-давно – они так и не пришли к согласию, где же дали маху. Закралась ли ошибка в инженерное решение Брута? Дрожали ли руки у Ай-Оу – мастера обращаться с солнечными парусами, многократного участника межпланетных регат? Или во всем были виноваты два молодых, блестящих астроника – она и Шелли? Ведь никто так и не узнал, чем они занимались в рубке вместо того, чтобы в пятисотый раз перепроверять расчет траектории облета вокруг Солнца. Это только в Пирамидах благородных для продолжения рода от женщины требуется яйцеклетка, а от мужчины – семя, остальное же происходит в инкубаторах без их участия. Вдали от Центрального Сопряжения, от условностей и этикета, все становится на круги своя, возвращается к естественности в самые короткие сроки.

– Траектория облета оказалась несовершенной, – ответила Климентина. – Астероид разорвало солнечной гравитацией над корональной дырой в экваториальном поясе.

Де Штарх присвистнул. Климентина договорила:

– Нас спас «эвакуатор», приписанный к спасательной станции на Амальтее. В окрестностях Юпитерекса остались астроники, которых не испугать фотосферой красного гиганта.

– Ваше счастье, что возле Королевской Планеты остались корабли, могущие поспорить со звездной гравитацией! – прогудел де Штарх. – А астроников, не страшщихся Солнца, можно отыскать и в афелии, на противоположном рубеже Сопряжения!

– Потому что они никогда не видели Солнце вблизи, – съязвил Хенцели. – Ага, история великолепной четверки мне стала ясна... И ты, следовательно, отправилась на Тифэнию, чтобы навестить старого друга, с которым когда-то побывала в гостях у смерти? – предположил он.

Климентина не стала спорить. О «мысленных» полетах Ай-Оу было известно только в прайде Тэг... И еще им – Климентине, Шелли и Бруту. А посторонним незачем вникать в эти подробности. Ай-Оу так мягок и беззащитен...

На борту идущего к Амальтее «эвакуатора» Ай-Оу признался, что во время падения на Солнце он смог вырваться за пределы мира Сопряжения Планет. Запинаясь от волнения, рассказал, что «благодаря силе разума и телепатии» он перенесся на четыре с половиной световых года к близкой, но недостижимой обычными способами альфе Центавра... Они не верили в спасение, они кутались в одеяла и жались друг к другу, словно дети. Плазменная долина Солнца осталась позади, но ощущение грозящей беды не отпускало. Климентина тогда еще подумала, что кошмарный сон, персонажами которого им довелось стать, очевидно, просто перешел в следующую фазу. Ай-Оу вздохнул рассказывая, как испаряется в периастрии первая планета альфы Центавра и на какую высоту извергают серу вулканы на второй планете. Они стучали зубами, они перебрасывались удивленными и одновременно испуганными взглядами. Они молчали. Молчали. А он говорил и говорил. «Телепатическое путешествие» доставило Ай-Оу бездну впечатлений.

Втроем, когда Ай-Оу не мог их услышать, они договорились считать это помешательство досадным осадком пережитого. Убедили себя в том, что Ай-Оу скоро станет лучше. Что он обязательно выздоровеет, что забудет бред об альфе Центавра. На Амальтее, затем – на Тифэнии, о нем должны были позаботиться медики и психологи. Должны были, но... Спасательная станция на Амальтее пустовала, а до Тифэнии – долгий путь.

Лишь казалось странным, что «сломался» именно Ай-Оу. Ведь он был самым старшим и самым опытным участником эксперимента. Но в космосе случается всякое. Значит, у благородного исчерпался запас прочности, – всего-то.

Хенцели вновь отвлек ее от воспоминаний:

– Разрабатываешь сейчас какой-нибудь вариант? Расскажи, будь любезна! Если, конечно, это не секрет.

– Нет, – ответила Климентина, – не секрет. Мне надоело рваться прочь от Солнца.

– Вот как? – удивился дознаватель. – Неужели твоим способностям астроника сегодня нет применения?

– Я работаю на Пангее, – пояснила Климентина, – управляю орбитальными средствами.

Хенцели удивился еще больше.

– Ты не прокладываешь дорогу к звездам? Ну и ну! Палеопланетологи – так, кажется, называют тех, кто работает на Пангее? Отчаянные, отчаянные люди. Мне известна – в общих чертах – программа преобразования Пангеи в пригодное для заселения небесное тело. Смелая затея, доложу вам! Оригинальная. Никак не могу взять в толк: что заставляет подобных тебе браться за столь трудоемкую работу? Тратить силы, средства? Ведь невооруженным глазом видно, как Солнце рушится. Конец цивилизации людей грядет, и мы станем тому свидетелями.

– Надежда, – вяло пожала озябшими плечами Климентина.

– Надежда... – с некоторым разочарованием повторил Хенцели.

– Надежда! – добродушно буркнул в бороду Эдвин де Штарх.

– А если Солнце не взорвется? Если не сорвется в гравитационный коллапс? Солнце – ближайшая звезда, но она полна тайн, раскрыть которые за миллионы лет оказалось не под силу ни одному смертному! Если после катастрофического расширения настанет черед медленного сжатия? Если в мире людей ничего не изменится? – спросила она своих спутников. – Если Сопряжение устоит? Продолжим ли мы ютиться под куполами, как бесчисленные поколения наших предков? Или, наконец, обретем дом, достойный человека?

«Ого! – удивилась Климентина самой себе. – Школа иерарха Контона. Жаль, что он меня не слышит!»

– Если-если... – задумался Хенцели. – Если-если... Не верю, что «бесчисленные поколения предков» были глупее или слабее нынешних благородных и бесфамильных.

– Мы пришли, – сообщил де Штарх, остановившись перед стеклянной дверью. Начальник службы безопасности провел ладонью перед фотоэлементом, створки разъехались в стороны, и в лицо Климентине остро пахнуло больничным запахом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.